

А. БОГДАНОВ

ИНЖЕНЕР МЭННИ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

КРАСНАЯ ГАЗЕТА
Ленинград 1929

ТИПОГРАФИЯ
«КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ»
ИМЕНИ ВОЛОДАРСКОГО

ЛЕНИНГРАД
ФОНТАНКА, 57

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

После событий, описанных мною в книге «Красная звезда», я вновь живу среди своих друзей марсиан, и работаю для дорогого мне дела — сближения двух миров.

Марсиане решили на ближайшее будущее отказаться от всякого прямого, активного вмешательства в дела Земли; они думают ограничиться пока ее изучением и постепенным ознакомлением земного человечества с более древней культурой Марса. И я вполне согласен с ними, что осторожность необходима в этом деле. Так, если бы открытия их науки о строении материи стали теперь известны на Земле, то у милитаризма враждебных друг другу наций оказались бы в руках истребительные орудия невиданной силы, и вся планета в несколько месяцев была бы опустошена.

При колониационном обществе марсиан образовалась особая группа распространения новой культуры на Земле. Я в этой группе взял на себя наиболее подходящую мне роль переводчика; для той же цели мы надеемся в близком будущем привлечь еще нескольких земных людей разных национальностей. Задача эта вовсе не так проста, как может показаться с первого взгляда. Трудности при переводе с единого марсианского языка на земные неизмеримо больше,

чем при переводе с одного земного языка на другой; а полная и вполне точная передача мыслей подлинника часто даже невозможна.

Представьте себе, что вам пришлось бы современное научное произведение, психологический роман, политическую статью переводить на язык Гомера или церковно-славянский... Я сознаю, насколько для нас, людей Земли, нелестно это сравнение; но, к сожалению, оно не преувеличено: разница двух культур приблизительно такая же. Не тот строй жизни, другие отношения, иной весь опыт людей. Множество понятий, там вполне выработанных и привычных, здесь отсутствуют совершенно. Идеи, там настолько общепринятые, что их даже не высказывают, а постоянно подразумевают, здесь нередко воспринимаются, как нечто непонятное, невероятное или даже чудовищное, — вроде того, как атеизм для благочестивого католика средних веков или свободная любовь для мещанина старых времен. Язык мыслей может различаться гораздо больше, чем язык слов; первый бывает иногда совершенно несходен даже там, где второй кажется одним и тем же.

Наибольшая трудность, какую встречает на своем пути новая идея, это чаще всего именно трудность ее перевода на обычный язык. Когда Коперник, Бруно и Галилей говорили, что земля вращается, самые слова их были почти для всех тогда еще непонятны, «вращаться» означало, прежде всего, определенные живые ощущения, связанные с круговым движением человека или окружающих его предметов; но как раз таких ощущений в данном случае не было. Эта история повторялась и еще теперь повторяется на каждом шагу.

Теперь вы легко поймете, каковы препятствия при переводе с языка другой культуры, притом более сложной и высокой. Очевидно, что надо начинать с

наиболее легкого. Этим объясняется выбор, который сделала для первого раза наша группа. Мы взяли исторический роман моего друга, писательницы Энно, роман из эпохи, приблизительно соответствующей нынешнему периоду земной цивилизации, — последним фазам капитализма. Изображаются отношения и типы, родственные нашим, а потому и сравнительно понятные для земного читателя. Сама Энно бывала на Земле и знает некоторые из наших языков, так что могла отчасти помочь мне в работе, но только отчасти; ответственность за форму изложения в целом — если стоит говорить об ответственности — я должен принять на себя.

Марсианские меры, веса, счисление времени я повсюду, разумеется, заменял земными; название стран, морей, каналов, — где возможно, теми, которые приняты теперь на картах земных астрономов, т.е. греческими и латинскими обозначениями Скиапарелли. Но в романе речь идет нередко о подробностях, совершенно недоступных нашим телескопам, — о городах, горных цепях, мелких заливах; тогда я либо просто переводил марсианское название, либо старался передать его мысль подходящей греческой формой в духе тех же обозначений Скиапарелли.

Теперь мне надо ввести читателя в ту обстановку, среди которой разворачивается действие романа.

* * *

Марс по астрономическому возрасту вдвое старше Земли; благодаря этому он маловоден. За долгие миллионы лет большая часть воды его океанов успела просочиться в глубину его коры, теперь все моря на Марсе составляют лишь половину его поверхности, и притом они гораздо менее глубоки, чем земные. Суша сплошным континентом занимает три четверти се-

верного полушария и около четверти южного, охватывая несколько небольших внутренних морей; остальное пространство занимает Южный океан со множеством островов; из них некоторые довольно обширны. Материк прорезан по всем направлениям знаменитыми каналами.

Такова картина в настоящее время; но не совсем такова была она триста лет тому назад. Если бы Галилей и Кеплер обладали современными телескопами, то все-таки на их картах Марса не оказалось бы ни огромного большинства нынешних каналов, ни даже некоторых внутренних морей и озер. В действительности «Великих каналов» тогда вовсе и не было, а было несколько широких морских проливов, ошибочно относимых к числу каналов земными астрономами. Начало «Великих работ» было положено инженером Мэнни всего 250 лет тому назад. Историческая необходимость породила это чудо труда и человеческой воли.

История марсиан в основных чертах похожа на историю земного человечества: такой же путь от родового быта через феодализм к господству капитала и через него — к объединению труда. Но более медленным темпом и в более мягких тонах шло это развитие. Природа Марса не так богата, зато и жизнь его была не так расточительна, как земная. Огнем и кровью залита каждая страница истории на Земле, залита настолько, что летописцы и историки долго почти ничего другого не могли вычитать из нее. Конечно, и на Марсе насилие, разрушение, истребление сыграли свою роль; но там она никогда не была так чудовищно грандиозна. Медленнее шло марсианское человечество, но никогда оно не знало ни худших форм нашего рабства, ни гибели целых цивилизаций, ни таких глубоких и жестоких реакций, как наши. Даже бесчисленные войны

феодализма, несколько тысячелетий там царившего, были сравнительно чужды того бессмысленно-зверского опьянения кровью, какое отличало феодальные войны у нас: за жестокими битвами там редко следовали массовое убийство и опустошительный грабеж мирного населения. Сквозь варварство эпохи пробивалось какое-то инстинктивное уважение к жизни и труду.

Почему это было так? Бедна и сурова была природа планеты, и опытом тысяч поколений накопилось смутное сознание того, как трудно восстанавливается разрушенное. Меньше было и разъединения между людьми: ближе были друг другу разные племена и народности, легче общение. Суша не разорвана широкими океанами и морями на самостоятельные материки, горные цепи не столь высоки и непроходимы, как на Земле; передвижение много легче, благодаря меньшей силе тяжести: вес всех предметов более чем в два с половиной раза меньше, чем у нас. Разные языки, выйдя из одного общего начала, никогда не удалялись до полного расхождения, и уже в феодальную эпоху, с учащением дальних походов и торговых сношений, вновь стали сблизяться между собою, к ее концу это были скорее областные наречия, чем отдельные языки. Взаимного понимания между людьми было больше, единство их опыта глубже.

Около 1000 года нашей эры, по нашему счету, феодализм в большинстве стран Марса уже доживал свое время. Денежное хозяйство за предыдущие пятьдесят веков успело проложить себе дорогу, и торговый капитал все решительнее оспаривал у старого землевладения власть над обществом. Повсюду шла культурная революция, но еще в религиозной оболочке — под видом реформации древних феодальных религий. Крупные князья и короли «собиратели земель», поль-

зовались положением, чтобы подрвать силу своего наиболее опасного соперника — жречества — и утвердить монархическую систему. Около 1000 года на месте прежних тысяч мелких удельных княжеств имелось уже только около двадцати бюрократических монархий, а большая часть гордых феодалов поступила на службу и ко двору королей.

Но за это время распространились мануфактуры, и капитал еще вырос. Ему стало тесно под опекой полицейского государства, и он начал свою освободительную борьбу. Приблизительно от 1200 до 1600 года идет, под его невидимым руководством, ряд политических революций в разных странах.

В конце XIV века началась промышленная революция, вызванная появлением машин, и ход развития стал ускоренным. К 1560 году не только повсюду, кроме немногих отсталых окраин континента, водворился демократический строй, но было достигнуто еще нечто большее, — почти полное культурное и политическое объединение. Выработался общий литературный язык, поглотивший большинство прежних областных диалектов, и создалась путем частью войн, частью договоров, гигантская федеральная республика, охватившая около трех четвертей планеты. Оставалось довершить дело завоеванием нескольких полуфеодальных государств, и это было систематически выполнено федеральным правительством за последующие полвека.

Около 1620 года было покорено последнее независимое государство, — страна, обозначаемая на наших картах, как «Таумазия Феликс» (счастливая страна чудес), где властвовал древний дом герцогов Альдо. Таумазия представляет большой южный полуостров континента, от которого она теперь, впрочем, совсем отделена каналами с их озерами. В те времена обитае-

мой была только прибрежная полоса Таумази, обращенная к Южному Океану; вся внутренняя часть, где теперь находится огромное озеро Солнца, представляла безводную пустыню. Население — несколько сот тысяч крестьян и рыбаков — отличалось суровыми, простыми нравами, консерватизмом и религиозностью; хозяйство было еще главным образом натуральное, отношения между феодалами и крестьянством вполне патриархальные. То была настоящая Вандея. Она и сыграла в истории Марса роль Вандеи.

Старый герцог Альдо не пережил крушения. Но остался его сын и наследник, молодой Ормэн. Когда федеральная республика объявила войну Таумази, он находился в Центрополисе, главном городе республики, куда приехал для переговоров. Там он и был задержан на все время войны. Республика не конфисковала поместий герцогского дома, и, не имея политической власти, Ормэн Альдо сохранил значительную долю земель Таумази в качестве помещика. Внешним образом он вполне примирился со своим новым положением. Каждый год он на несколько месяцев приезжал в Центрополис и вел там жизнь миллионера из золотой молодежи, делая вид, что совершенно не интересуется политикой. На самом же деле он внимательно наблюдал отношения общественных сил и искал связей среди недовольных элементов — остатков духовенства и аристократии, а также разных сепаратистов, мечтавших о восстановлении независимости родных окраин. Остальное время он проводил у себя, в Таумази, разъезжая по всему ее протяжению под предлогом охоты или хозяйственных расчетов с арендаторами.

Почва для его агитации была самая благоприятная. Его поддерживала не только сила заветов прошлого и все влияние духовенства на темную массу, но еще

больше — мучительная экономическая эволюция страны: вторжение торгового и ростовщического капитала. Налоги, установленные центральным правительством, сами по себе не были тяжелы, но их надо было уплачивать деньгами, а деньги составляли редкость в Таумази. Крестьяне исстари привыкли жить прямо продуктами своего труда, дополняя недостающее соседским обменом, для которого не требуется денег; натурой отбывались и повинности по отношению к помещикам; даже подати старому герцогскому правительству на девять десятых вносились продуктами и работами. Теперь же надо было в определенное время года платить сборщикам налогов огромные, по тогдашним крестьянским понятиям, суммы денег; надо было что-нибудь продавать для этого, продавать, во что бы то ни стало. Так масса населения попадала во власть скупщиков и приезжих торговцев, которые пользовались обстоятельствами без пощады: покупали по ничтожным ценам, давали займы по неоплатно-ростовщическим процентам, навязывали свои товары, часто вовсе ненужные крестьянину, кулаческими договорами присваивали хлеб на корню и будущий улов рыбы и еще увеличивали свои барыши систематическим надувательством, против которого темное население было беззащитно. С торговлей новые соблазны и потребности проникали в крестьянскую среду, но для их удовлетворения опять-таки нужны были деньги, и это помогало хищникам усиливать свою эксплуатацию. Разорение быстро подвигалось вперед, а с ним росло в Таумази народное недовольство.

После двадцати лет невидимой работы Ормэна Альдо с его друзьями все было подготовлено как нельзя лучше: десятки тысяч энергичных людей готовы были подняться по первому сигналу, и масса понемногу ввезенного оружия лежала в подвалах разбро-

санных по всей стране замков. Оставалось выжидать удобного момента. Тем временем Ормэн решил позаботиться о продолжении своей династии. Он женился на юной дочери одного из крупных помещиков, горячего участника в заговоре. О любви в этом браке не было и речи: двадцать лет политики и дипломатии сделали из Ормэна мрачную, несимпатичную фигуру. Через несколько месяцев молодая женщина оказалась беременна; тогда Ормэн отослал ее в один из самых дальних замков, где она могла находиться в безопасности на случай восстания. Спустя еще несколько месяцев Ормэн получил два радостных известия: у него родился наследник; а над всей республикой разразился жестокий промышленный кризис. Лучшего случая нельзя было и желать, — Ормэн поднял старое знамя герцогов Альдо.

Борьба была упорная, но слишком неравная. Ормэн обнаружил большой талант полководца и одержал несколько блестящих побед; но республика вскоре мобилизовала громадную армию; а других серьезных восстаний, на которые рассчитывал герцог Альдо, нигде не произошло. И такова ироническая логика жизни, что как раз война с Таумазией помогла республике быстрее оправиться от экономического кризиса: вынужденные огромные покупки и заказы правительства сразу улучшили положение нескольких отраслей производства, а за ними последовали и другие. Через год все было кончено: герцог Ормэн погиб с оружием в руках, Таумазия была покорена навсегда. Феодалная идея больше не воскресала.

Вдова Альдо вместе с ребенком была, по распоряжению правительства, переселена в Центрополис — очевидно, для удобства надзора. Эта столица находится в нескольких тысячах километров от Таумазии, среди континента, на берегу внутреннего моря, назы-

ваемого Нильским озером; она расположена при устье широкого и очень длинного пролива Инда, связывающего Нильское озеро с Жемчужным заливом Южного океана. Молодая женщина вскоре умерла от тоски по далекой родине. Мальчик вырос среди чужих людей; он был воспитан в республиканских идеях. Его звали, как и отца, Ормэн; но он впоследствии всегда подписывался «Мэнни»; это — то же самое имя, только в демократической форме, наподобие того, как у нас коронованную особу называют «Иоанн», а обыкновенного человека — Иван.

Из Мэнни вышел первоклассный ученый — физик и инженер. Нуждаться ему никогда не приходилось, хотя все имущество отца было конфисковано: от родственников по матери ему осталось порядочное наследство. Это позволило ему в течение пяти лет, начиная с двадцатилетнего возраста, совершить ряд смелых и дальних путешествий по великим пустыням континента. В те времена меньше половины суши было заселено: системы каналов не существовало, и вся внутренность материка, около трех пятых его поверхности, была лишена воды. В этих путешествиях, очевидно, и зародился его план великих работ.

Первым полем инженерской работы Мэнни явилась Ливия. Эта страна, расположенная близ экватора, у обширного залива Большого Сырта, пользуется у земных астрономов незаслуженно плохой репутацией. Скиапарелли нашел, что большой западный полуостров Ливии скрылся под водой в несколько лет. На самом же деле это просто невольная ошибка наблюдения. У берегов Ливии находится огромная, длинная отмель: на ней марсиане долго разводили гигантские плантации одной водоросли, волокна которой применялись для производства тканей. Цвет ее, красный, как и у всех растений планеты, создавал иллюзию,

будто там суша. Новая техника производства одежды сделала излишним разведение водоросли, и иллюзия исчезла. В небольшой залив к северу от этой отмели теперь впадает канал Нэпентес; идя к востоку, он в нескольких десятках километров от моря образует озеро Мёрис, вдвое больше нашего Ладожского; затем направляется дальше, загибаясь дугой несколько к северу, и через озеро Тритона сливается с целой системой других каналов. Мэнни прорыл первую часть канала Нэпентес, от моря до озера Мёрис. Озеро это тогда и образовалось среди пустыни, благодаря тому, что часть ее представляла впадину, дно которой было значительно ниже уровня моря.

В силу таких же условий проведенные инженером Мэнни через Таумазию каналы Нектар и Амброзия породили озеро Солнца — внутреннее море, размером в половину Каспийского.

При жизни самого Мэнни была закончена только небольшая часть нынешней сети каналов; но почти вся она была уже намечена в проектах, выработанных им и его продолжателем, инженером Нэтти.

Эти два человека — главные действующие лица романа.

Леонид Н.

ПРОЛОГ

1. Мэнни

Официальное совещание по вопросу о канале через Западную Ливию было созвано зимой 1667 года, по земному счету, в Министерстве общественных работ. Среди сотни участников находились представители главных банковских картелей, а также наиболее заинтересованных промышленных трестов и крупнейших частных предприятий, целый ряд знаменитых ученых и выдающихся инженеров, депутаты парламента и делегаты от правительства. Министр открыл собрание краткой речью, в которой выяснил его цель.

— Вы все, я полагаю, — сказал он, — уже знакомы в общих чертах с проектом инженера Мэнни Альдо по его замечательной книге «Будущее Ливийской пустыни». Общество и парламент отнеслись со вниманием к этому проекту; о том свидетельствует ваше присутствие здесь. По предложению Центрального Правительства сам автор сделает нам сегодня доклад, в котором конкретнее изложит техническую и финансовую сторону дела. Правительство обращается к вашей высокой компетентности, придавая важное значение вашим мнениям и советам. Было бы очень желательно, чтобы совещание в целом смогло прийти к опреде-

ленному принципиальному выводу, за или против проекта. Дело идет не только о мирном завоевании новой страны для человечества, но также о затратах, исчисляемых от одного до двух миллиардов.

Затем он дал слово докладчику.

Сначала Мэнни сжато и точно, с цифрами и чертежами, которые тут же воспроизводились фонарем на экране, описал рельеф местности.

— Я сам со своими помощниками, — сказал он, — произвел новый промер Ливийской котловины от юга к северу и от востока к западу: указания прежних путешественников были слишком приблизительны и неполны. Пространство несколько более шестисот тысяч квадратных километров заключено со всех сторон между горами, достаточно высокими, чтобы не пропускать дождевых облаков. С юга и с запада эти горы довольно близко подходят к океану, а на севере и на востоке за ними начинаются другие пустыни. Когда-то вся котловина была морским дном; но с тех пор уровень океана сильно понизился, она отделилась от него и высохла; однако ее центральная часть и теперь, как вы можете видеть по чертежам поперечных разрезов, остается ниже поверхности океана от 50 до 200, местами даже до 300 метров. Это пространство размером около 50 тысяч квадратных километров немедленно было бы вновь затоплено, если бы удалось привести его в сообщение с океаном. Тогда весь климат страны резко изменился бы.

В настоящее время это — сплошная безводная пустыня, где поверхностный слой песку измельчился в пыль, губельную для легких и для глаз. Там нет оазисов, которые могли бы служить этапами отдыха для путешественников. За последние сто лет из восьми экспедиций, проникших в глубину пустыни, две не вернулись вовсе, остальные потеряли часть сотрудни-

ков. Наша экспедиция была оборудована лучше всех прежних, но зато, правда, и работала гораздо дольше, она возвратилась в половинном составе; кроме меня одного, все были серьезно больны. Особенно тяжелы нервные заболевания от полного однообразия окружающей среды и совершенного отсутствия в ней звуков. Там настоящее царство молчания.

Когда в Ливии удастся создать внутреннее море, то вся она станет иной. Влага, испаряемая тропическим солнцем с поверхности этого моря, будет задерживаться горами, окружающими котловину, и сбегать с их склонов обратно в виде ручьев и речек, давая небогатое, но достаточное орошение. Почва пустыни, по нашему анализу, обладает в избытке солями, необходимыми для жизни растений, и вода сразу сделает ее плодородной. При научно-правильной постановке сельского хозяйства страна прокормит до 20 миллионов человек, — а все население нашей планеты сейчас — 300 миллионов

Конечно, для такой колонизации потребуются десятки лет. Но уже сразу после образования внутреннего моря получится легкий доступ к северным и восточным горам Ливии, в которых сосредоточены ее гигантские минеральные богатства. Там еще до нас были найдены целые скалы лучшей железной руды, магнитной, и широкие пласты каменного угля, выходящие наружу в трещинах и сдвигах геологических слоев. Мы привезли с собой образцы серебряно-свинцовой руды, по отзыву специалистов одной из лучших в мире, а также ртутной и даже урановой. Мы нашли район, где имеется самородная платина, драгоценный денежный металл... Но нет ни малейшего сомнения, что мы видели не все, а только незначительную долю, — слишком мало времени и сил было в нашем распоряжении.

Затем Мэнни перешел к вопросу о самом канале. Выбор места не представлял никаких трудностей, так как подходящий пункт имелся только один: там, где котловина всего больше приближается к восточному берегу и где горный массив суживается до нескольких километров.

— Здесь, — говорит Мэнни, — вся длина канала не превзойдет 70 километров. У нас уже есть каналы для судоходства вдвое и втрое длиннее этого. Но дело идет о том, чтобы наполнить и поддерживать внутреннее море. Обыкновенный канал просто затерялся бы в песках пустыни. Вычисления показывают, что тут его ширина должна быть в пять раз, а глубина втрое больше обычной. Затем, часть его, около трети, должна пройти по скалистому грунту, и главное — придется прорезать горный перевал. Надо будет взорвать гигантскую массу известняков, а под ними даже гранитов, составляющих основание цепи. Потребуется около полумиллиона тонн динамита. Рабочей же силы, по предварительному расчету, понадобится двести тысяч человек, на четыре года, при условии применения лучших и дорожих машин.

Далее Мэнни изложил финансовый план дела. Общая сумма расходов, если всюду брать наибольшие величины, может достигнуть 1500 миллионов. Операция, очевидно, по силам только государству. В течение четырех лет оно выпускает специальный заем, так чтобы каждый год покрывать и издержки работ, и проценты по самому займу. Потом, когда станет возможна эксплуатация новой страны, и проценты, и заем будут постепенно оплачиваться продажей или сдачей в аренду рудных и плодородных участков. В руках государства окажется земельная собственность ценою в несколько десятков миллиардов.

Все крупные финансовые учреждения поддержат заем, для них это — целое поле новых операций. Множество отраслей промышленности заинтересовано в огромных заказах, которые будут порождены работами.

— Помимо всего этого, — сказал Мэнни, — я могу указать еще один важный для всех финансистов и предпринимателей мотив, чтобы поддерживать это дело. Вы знаете, что за последние полтора века время от времени, с разными промежутками, происходят жестокие финансово-промышленные кризисы, когда кредит сразу падает, и товары не находят сбыта, причем разоряются тысячи предприятий и остаются без работы миллионы рабочих. Знаменитый Ксарма, которому его социалистические взгляды не мешают быть самым ученым и глубоким экономистом нашего времени, заявляет, что новый такой кризис, сильнее всех прежних, последует через один-два года, если только не случится расширения рынка, чего теперь, — говорит он, — по-видимому, ожидать не приходится. Вы помните, что Ксарма точно предсказал предыдущий кризис и есть все основания ему верить. Но открытие Ливийского канала как раз и создаст сильное расширение рынка, сначала благодаря самим работам, а затем благодаря включению в область производства целой новой страны. Это должно надолго замедлить наступление кризиса и всех его бедствий.

Мэнни закончил доклад указанием на то, что грандиозные размеры и огромная сложность поставленной задачи потребуют величайшего единства в ее выполнении.

После небольшого перерыва председатель открыл дебаты. Для вопроса докладчику первым взял слово Фели Рао, директор самого сильного банковского картеля «Железнодорожный кредит». Это был седой, но

очень моложавый старик с пронизательными, холодными глазами.

— В вашем докладе вообще не было речи об административно-организационной стороне дела. Но я полагаю, что именно к ней относилась ваша последняя фраза — о необходимости единства в выполнении. Если я правильно вас понял, то, по вашему мнению, руководство работами должно находиться в руках одного лица, которое само выбирает себе сотрудников, сосредоточивая у себя все нити дела и на себе всю ответственность.

— Да, именно так, — ответил Мэнни.

— Но не находите ли вы, что здесь затрагивается слишком много и слишком сложных интересов, чтобы одному лицу было удобно брать на себя такое бремя? Не будет ли удобнее некоторая коллегиальность в руководстве, если не техническом, то административном? И не допустим ли некоторый контроль, например, со стороны организаций, оказывающих финансовое содействие?

— Я не думаю, чтобы так было лучше. Работы должны вестись по заранее установленному, утвержденному правительством плану; коллегиальность же бывает полезна для выработки и обсуждения плана, а не для выполнения. Контроль должен быть со стороны правительства, парламента, общественного мнения, основанный на непрерывной и публичной отчетности, в этом виде он будет достаточен. Замечу, что и контроль правительства я представляю себе не так, чтобы оно могло во всякий момент вмешиваться во все частности дела. Вмешательство мне кажется уместным лишь тогда, когда изменяется принятый план дела или нарушается смета.

— Я думаю, что мы можем говорить прямо, — сказал Фели Рао. — И справедливость, и целесообраз-

ность, как это ясно для всех, требуют, чтобы во главе работ стали вы. То, что вы сказали, выражает условия, на которых вы согласились бы взять на себя руководство делом?

— Да, на иных условиях я не мог бы принять никакого участия в нем, либо вся ответственность, либо никакой.

В собрании почувствовалась атмосфера неуверенности, колебания, почти недовольства. Рао продолжал:

— Но мне кажется, что в организации дела есть вещи очень сложные, способные отнять много внимания, в то же время едва ли даже непосредственно интересные для вас, человека науки. Например, число нанимаемых рабочих вы должны, конечно, устанавливать на основании своего технического плана. Но условия их найма...

— Я считаю это, напротив, очень важным именно с точки зрения успешности работ. Мне известно, какими путями во многих предприятиях пытаются достигнуть экономии на условиях труда. Рабочий, который плохо питается или переутомлен, не обладает полной рабочей силой. Рабочий, который недоволен, угрожает неожиданностями, нарушающими ход дела. Мне нужна полная рабочая сила, и мне не надо неожиданностей.

Фели Рао заявил, что у него других вопросов пока нет. На минуту водворилось тяжелое молчание. Затем выступил инженер Маро, представитель треста взрывчатых веществ, человек еще довольно молодой, но очень известный в своей отрасли.

— Мне хотелось бы направить обсуждение на технический и финансовый вопрос, — сказал он. — Вопрос административный я считаю хотя и важным, но не в такой мере. Со своей стороны, должен сказать, что те гарантии, которые представляет для нас личность

инженера Мэнни Альдо, а также его понимание контроля и отчетности, кажутся мне вполне достаточными. Решающее значение в этом случае, на мой взгляд, имеет отношение правительства, на него, в конце концов, ложится ответственность за всю организацию контроля: если оно посредством займа дает средства на дело, то оно тем самым и обеспечивает все частные финансовые интересы, оно стоит между работодателями и управлением работ. Если бы оно исходило возможным согласиться с условиями инженера Альдо, то для нас, я думаю, не было бы основания особенно настаивать на дальнейшем их обсуждении. В этом смысле я и позволю себе задать вопрос присутствующим здесь представителям Центрального и местного Ливийского правительства.

Министр общественных работ ответил:

— Мы предполагали изложить точку зрения правительства к концу дебатов, как обыкновенно делаем в таких совещаниях. Но на прямой вопрос, во избежание неясностей, приходится отвечать немедленно. Прежде всего напомним, что окончательное решение принадлежит Центральному Парламенту. Совет же Министров, предварительно обсудив дело, не нашел, со своей стороны, ничего неприемлемого в пожеланиях инженера Альдо, инициатора и автора проекта.

Ливийский губернатор заявил, что правительство штата Ливии вполне солидарно с Центральным.

Атмосфера собрания сразу изменилась. Маневром Маро была побита главная карта оппозиции. Обсуждение перешло к технике работ и к условиям займов. Победа Мэнни была вне сомнения.

Наступило обеденное время, и заседание было закрыто. Все члены совещания были приглашены на обед у министра. На пути в обеденную залу Фели Рао подошел к инженеру Маро.

— Я понимаю вашу позицию, — сказал он с видом добродушной откровенности. — Вы — один из администраторов динамитно-порохового треста, а заказы в полмиллиона тонн очень редки. Но скажите по совети, где вы нашли гарантию административных талантов Мэнни? Его технический план, по-видимому, неуязвим, финансовый, я могу сказать, очень хорош. Однако управление колоссальными работами и сотнями тысяч людей... Где и когда проявил он такие организационные способности? И ему двадцать шесть лет. Не решаетесь ли вы вместе с правительством на прыжок в неизвестное?

Загадочная улыбка скользнула по лицу Маро.

— Административные таланты? Как можете вы в них сомневаться? Сын герцога Ормэна Альдо...

Рао пристально посмотрел на собеседника, глаза которого вновь стали непроницаемы.

- Я думаю, что мы столкнемся с вами, когда придет время, - сказал финансист.

За обедом он сидел рядом с министром. Когда разговоры оживились и стали громки, Рао обратился к соседу вполголоса.

— Правительству сейчас, конечно, спокойнее передать все Мэнни. Но осторожно ли оно поступает, выдвигая само этого талантливое честолюбца и давая в его руки огромные средства? Не явная ли это опасность в будущем?

— Нет, — ответил министр, — я знаю Мэнни, он для нас не соперник, именно потому, что его честолюбие чрезмерно. Можете быть уверены, что уже сейчас у него есть еще более грандиозные планы, которые он пока скрывает. Быть министром, президентом республики — это не интересно для него. Скажу более, — с улыбкой прибавил министр, — он не захотел бы даже быть финансовым властителем мира. Его книга о Ли-

вии заканчивается словами: «Все пустыни мира имеют свое будущее». У него честолюбие богов.

2. Нэлла

На южном берегу узкого залива, от которого теперь начинается канал Нэпентес, расположен террасами по склону прибрежных холмов город рыбаков Ихтиополь. В те времена это был скорее не город, а большое селение с несколькими тысячами жителей; больших домов там было очень немного, и то большей частью общественные здания, остальное — деревянные домики и глиняные хижинки. В одной из таких хижин, недалеко от укрепленной насыпи, к которой приставали мелкие суда, жил много лет старый рыбак со своим сыном. Сына звали Арри; имени отца не сохранила история.

Лет за шесть до начала ливийских работ, перевернувших всю жизнь Ихтиополя, старику случилось во время одного из его обычных плаваний на своей небольшой шхуне подобрать шлюпку с потерпевшего крушение корабля. В числе спасенных была красивая девочка двенадцати лет, которую звали Нэлла. Она рассказала рыбаку свою историю.

Отец ее работал механиком на одном из заводов столицы; он зарабатывал довольно много и ничего не жалел, чтобы дать хорошее воспитание дочери. Случился взрыв машины, которую подвергали испытанию; отец был убит на месте. Вскоре умерла от болезни и мать. Администрация выяснила, что у девочки был еще дядя, мелкий чиновник в главном городе штата Мероз, на севере Большого Сырта. К этому дяде и решили отправить девочку. Но она совсем его не знала. После крушения корабля их шлюпку несколько дней носило по морю. Матросы отдавали ей свою порцию воды.

Нэлла понравилась рыбаку; он находил, что она похожа на его умершую жену. Он предложил бы ей остаться у него, но не решался: она казалась ему барышней. Когда пришел мэр, чтобы спросить ее, куда она желает ехать, она сама обратилась к старому рыбаку и сказала:

— Я хотела бы жить с вами. Вы и ваш сын очень добры, а дядя мне чужой. Я не буду вам в тягость: я хорошо умею шить и буду помогать в хозяйстве.

Старик был очень рад. Нэлла внесла много света и жизни в его хижину. Когда рассеялась тень перенесенных несчастий, девочку за ее приветливую улыбку, серебристый смех и мягкие, иногда слишком тонкие для окружающих шутки, прозвали «Веселой Нэллой». У нее был прекрасный голос, она знала много песен от своей матери и постоянно пела за работой. Впоследствии она сама складывала песни и находила для них красивые мотивы. Она также много читала — все, что могла найти в коммунальной библиотеке. Ради своей приемной дочери старик стал выписывать газету.

Так прошло пять лет. Девочка стала девушкой; Арри уже было двадцать два года. Старый рыбак на ловле нечаянно поранил себя грязной острогой; в ране оказалось заражение, и через неделю он скончался. Несколько месяцев Арри с Нэллой продолжали жить по-прежнему, как брат и сестра. Но вот Арри, вернувшись из необычно долгой поездки по морю, сказал:

— Нэлла, я много думал и вижу, что дальше так оставаться нельзя. Я слишком люблю тебя, Нэлла; и если твое сердце ничего не говорит тебе, то мне надо уйти.

Лицо девушки стало печальным.

— Я очень люблю тебя, Арри; никого на свете нет для меня дороже. Но потому я и не могу обманывать тебя, и сейчас мое сердце сжалось, а не забилося. Уйду

я, а не ты; это твой дом, твоя страна. Ты можешь не бояться за меня.

— Я не боюсь за тебя, Нэлла, но отправиться должен я, потому что здесь все будет напоминать мне о том, что невозможно. Теперь мне одно спасение: новые люди и страны, новая жизнь, я буду искать даже другую работу. Если ты согласишься остаться тут, я буду, по крайней мере, знать, где ты, и мне легче будет узнавать, что с тобой, чтобы явиться, когда я буду нужен.

Арри исчез, а Нэлла одна жила в старом домике. Побледнела ее улыбка, и грустно стали звучать ее песни, когда в сумерки она склонялась у окна над своим шитьем.

Однообразно шли недели и месяцы. Миновал период ночных дождей, который заменяет зиму в тропических странах Марса. Соседи приходили к Нэлле с вопросами по поводу странных слухов: будто один бывший аристократ собирается высушить Ливийское море с его песчаной балкой, на которой ловится столько рыбы, и взамен того затопить пустыню; а правительство будто бы разрешило ему это. Нэлла, которая читала не только газеты, но и книгу Мэнни, подробно объясняла, в чем дело; мужчины успокаивались, женщины с сомнением качали головами. Потом неизвестное предстало воочию.

Ихтиопольский рейд и весь залив необыкновенно оживились. Ежедневно приходило с моря по несколько больших пароходов, некоторые останавливались перед Ихтиополем, другие нет, но все затем уходили к самому концу залива, — туда, где должен был начинаться новый канал. С высоты прибрежных холмов, благодаря небольшому расстоянию — десяток километров — можно было видеть какое-то движение между кораблями и берегом; очевидно, они что-то

выгружали, что именно - разглядеть было нельзя; но это что-то постепенно образовывало гигантский муравейник, который все дальше раскидывался и растягивался по направлению к горам, составляющим границу пустыни. С огромной быстротой на красновато-сером фоне размножались белые пятнышки палаток в две полосы с широким промежутком между ними; двигались и мелькали тысячи черных точек; можно было догадаться, что это — человеческие существа; возникали еще какие-то более крупные и неподвижные темные пятна, — вероятно, временные здания складов, а также большие машины. В самом Ихтиополе стало встречаться много новых лиц, и говор с чуждым акцентом часто слышался на улицах. Несколько сот молодых людей ушло из города на работы, где их принимали охотно и платили очень хорошо. Цены на все поднялись и продолжали подниматься, но мало кто огорчался этим. Платиновые монеты, с их глухим звуком, стали падать на прилавки чаще, чем прежде простые серебряные. Лица торговцев и даже большинства рыбаков стали гораздо оживленнее, но в то же время какая-то лихорадочная нервность примешалась к их движениям. Много товаров появилось в лавках. Женские наряды стали новее, ярче, женский смех звучал громче и резче.

Нэлла имела сколько угодно работы. Большую часть дня ее можно было видеть с шитьем у раскрытого окна. Ее выражение не сделалось веселее, но когда она поднимала голову от работы и смотрела на расстилавшуюся вдаль поверхность залива, тогда в зеленовато-синих ее глазах проходила словно далекая греза и какое то ожидание. Песня, тихая днем, громче звучала в сумерки, когда жизнь с ее шумом от набережной удалялась в глубину города, и девушка чувствовала себя свободнее.

Иногда у берега неподалеку от домика Нэллы приставал быстроходный изящный катер, и несколько человек, сойдя с него, направлялись к ратуше или почте. Во главе их шел высокий, атлетического сложения мужчина с серыми, стальными глазами. Обыкновенно эти глаза как будто не замечали окружающего; взгляд их, устремленный вперед, к невидимой цели, был неподвижен. Но однажды нежные звуки песни поразили на пути внимание человека; он обернулся и увидел Нэллу. Их глаза встретились, она побледнела и опустила голову. С тех пор каждый раз, когда ему приходилось идти мимо, он пристально взглядывал на красивую работницу. Нэлла не всегда опускала глаза.

Был странный день. С утра над далекими горами, которые охраняли тайну пустыни, поднимались серые облака, медленно рассеивались и вновь возникали: доносился протяжный гул, за которым следовали глухие раскаты, подобные грому. Стекла дрожали в домах, и были моменты, когда казалось, что земля вздрагивает. Ветерок с востока приносил какую-то мелкую пыль и слабый, едкий запах. Наконец, — невиданное на Марсе явление, — среди дня над городом образовалась туча, и пошел дождь. Нэлла объяснила встревоженной соседке, что бояться нечего, — это взрываются гигантские мины в горах, чтобы проложить дорогу для канала. Но все-таки она и сама испытывала какое-то судорожное беспокойство.

К вечеру взрывы прекратились. Перед закатом солнца вновь причалил катер. На этот раз главный инженер сошел с него один. Проходя мимо окна Нэллы, он ей поклонился. В его лице было необычное нервное оживление; глаза светились лихорадочным блеском; походка не была такой ровной и уверенной, как всегда, — словно пары динамита немного опьянили его.

Наступила ночь, а Нэлла все сидела у открытого окна. Она смотрела на темное небо с ярко сиявшими звездами. Маленькое личико Фобоса скользило от запада им навстречу, капризно меняя на глазах свое очертание и порождая от предметов бледные, непрочные тени; ни на какой другой планете солнечного мира людям не приходится видеть такой удивительной луны. Крошечный серпик Деймоса словно застыл среди небесного свода, а недалеко от него опускалась к закату зеленоватая вечерняя звезда Земля со своей неразлучной спутницей. Зеркало залива повторяло в более слабых тонах небесную картину. Песня лилась сама собою, связывая воедино небо и море и человеческую душу.

Когда песня замолкла, слышались тяжелые шаги. Высокая фигура остановилась перед окном, и мужской голос тихо, мягко произнес:

— Вы прекрасно поете, Нэлла.

Девушка даже не удивилась, что главный инженер знает ее имя. Она ответила:

— С песней легче жить.

— Если вы позволите, я найду к вам, - сказал Мэнни.

— Да! — без колебания вырвалось у нее.

Так решилась судьба Нэллы.

Когда затихли порывы ласки, она рассказала ему все о своей любви. Она давно знала его. Она видела его несколько лет тому назад, когда он проезжал там по дороге в пустыню, где другие навсегда оставались в объятиях песчаной смерти. Она была девочка, но не боялась, а гордилась за него; и потом ждала. Через несколько месяцев он вернулся бледный, похудевший, но победитель. Какая радость! В их лодке он ехал на свой пароход, а она стояла на берегу, и ее сердце билось очень сильно. Потом она читала его книгу, и она,

конечно, поняла, что все это, то, что он делает теперь, — только первый шаг, только самое начало, а дальше будет то, чего он еще не сказал, но давно думает и твердо знает...

В темноте ночи Нэлла не могла видеть, как сначала радостное удивление отразилось на лице Мэнни, и как тяжелая тень легла затем на него. Но она почувствовала странную неподвижность его тела, и замолчала.

Долго и напряженно думал Мэнни. Наконец, он сказал:

— Прости меня, Нэлла. Я ошибся, я не знал тебя. Ты стоишь бесконечно большего, чем то, что я могу тебе дать. Если бы для меня было возможно связать свою жизнь с другой жизнью, я не захотел бы никого, кроме тебя, Нэлла. Но ты угадала. Я взял на себя задачи, превосходящие все, что когда-либо пытался осуществить человек. На пути к ним меня ожидают величайшие препятствия и жестокая борьба. Еще я не сделал первого шага, а уже ненависть начала оттачивать свое оружие. Чтобы все преодолеть, ни перед чем не останавливаться, я должен быть вполне свободным, я должен быть неуязвимым... Нэлла! Неуязвим в борьбе только тот, кто одинок.

Его голос странно изменился, как бывает тогда, когда сдерживают боль. Нэлла ответила:

— Не бойся и ни о чем не жалею. Мне ничего не надо. Я ведь знала, что это так будет. И даже сейчас я чувствовала, что это — сон.

Вновь наступило молчание. Робкими, словно почтительно-нежными стали поцелуи Мэнни.

— Нэлла, спой мне песню.

Казалось, что сама ночь и вся природа прислушиваются к звукам. Слова песни говорили о девушке, которая никого не послушалась и все отдала своему милому, а старинная мелодия — о чувстве, глубоком и

прозрачном, как небо, сильном, как судьба.

Перед рассветом ушел Мэнни и больше не возвращался.

Долго после этого не было видно, не было слышно Нэллы. А потом она опять появилась со своей работой у окна, немного бледная и с новым выражением в лице, с выражением спокойного, уверенного ожидания. В сумерки и ночью очень тихо звучали ее песни, точно она не хотела, чтобы кто-нибудь расслышал их. Одна из песен была новая; Нэлла пела ее чаще других, но еще больше понижая голос. Вот смысл ее слов:

Чудную тайну ношу я с собою:
Я и одна, и вдвоем;
Счастье, убитое злою судьбою,
В теле воскресло моем.

Звездочка, скрытая облаком темным,
Нежный в бутоне цветок,
Бабочка дивная в коконе скромном, —
Света и жизни залог...

Как я тебя ожидаю, малютка,
И нетерпеньем горю!
Как наблюдаю, любовно и чутко,
Слабую жизни зарю!

Ты беспокоен сегодня, мой милый,
Ножками бьешь свою мать.
Что за предчувствие дух твой смутило,
Не дало сладко дремать?

В силе порывистой этих движений
Мальчика чувствую я...
Будешь бойцом, мой невидимый гений,
Ласка живая моя!

Будешь в отца ты, могучим и твердым,

Верным идее бойцом,
Но не холодным, не властным и гордым, —
В этом не сходен с отцом.

Все победит он упорною волей,
Мощью ума своего;
Но — ведь людскою тяжелою долей
Сердце не дрогнет его.

Девушки душу разбив мимоходом,
Даже не вспомнит ее...
Так и для всех, обреченных невзгодам,
Сердце закрыл он свое.

Силы стихий, как и он побеждая,
К людям ты будешь нежней.
Спи же, дитя, моя тайна святая,
В первой постельке своей!

Проходили ночи и дни и недели. Перед началом периода ночных дождей неожиданно приехал Арри. Он был одет, как одевались рабочие в столице, и казался много старше прежнего. Нэлла сказала ему:

— Ты явился во-время, Арри. Теперь увези меня отсюда.

Он ответил:

— Я чувствовал, что я тебе нужен. Мы поедем в столицу.

Через несколько дней старый домик был продан. Арри с Нэллой сели на пароход и навсегда покинули родную Ливию.

—————

ЧАСТЬ I

1. План Великих работ

Звезда Мэнни взошла высоко.

Чудо порождает веру; а чудо было совершено. Могучий поток вод Океана ринулся по пути, указанному рукой человека, по пути, на котором горная цепь была разорвана волею человека: затем гордые пароходы поплыли над песками древней пустыни. Тень облаков осенила, и дождь напоил раскаленную почву, сто тысяч лет не знавшую такого счастья. Детский говор ручейков ворвался в Царство Молчания; яркие травы вступили в борьбу с желто-серой пылью прошлого. Силе стихий было нанесено беспрецедентное поражение. Стало казаться, что все возможно для человеческого усилия. Пришло время, когда Мэнни мог высказать свою идею во всей полноте, с уверенностью, что его выслушают.

Тогда появился знаменитый «План работ», наметивший преобразование всей планеты. В нем была спроектирована та гигантская система каналов, которая была выполнена марсианами в последующее столетие, и на основе которой искусственное орошение более чем удвоило обитаемую территорию завоеванным всех пустынь. Опираясь на самое тщательное изучение географических и геологических условий, Мэн-

ни выяснил и наилучшее направление каналов, и сумму человеческого труда, времени, капитала, в которую они должны были обойтись. Последующим поколениям пришлось лишь немного изменить и дополнить в его расчетах.

Вопрос был в том, откуда взять всю эту массу средств и труда. Мэнни показал, что вести дальше дело так, как с Ливийским каналом, т.е. путем займов, покрываемых потом доходами отнятых у пустыни земель, значило бы затянуть дело на несколько сот лет. Новый финансовый план, предложенный Мэнни, показывает, что этот человек умел быть революционером не только в своей специальной области. То был план «национализации» земли, с обращением всей прежней земельной ренты в источник средств на выполнение Великих Работ.

Нечего и говорить, что такой проект не мог бы осуществиться, если бы не было особенно благоприятных для него исторических условий. Но они имелись налицо. Мэнни не первый понял это, он только в подходящий момент сумел дать наилучший лозунг для сильного общественного движения, которое шло со стороны различных классов.

Самостоятельное крестьянство к тому времени почти исчезло с лица планеты. Больше девяти десятых всей земельной собственности находилось в руках нескольких тысяч чудовищно богатых владельцев. Это были главным образом потомки древней родовой аристократии, а частью потомки разных государственных деятелей, которые во время буржуазных революций и последних феодальных восстаний сумели воспользоваться своей властью, чтобы присвоить себе конфискованные поместья непокорных реакционеров. Разорить крестьян и прибрать к рукам их участки этим лендлордам было тем легче, что при сухом вообще

климате планеты искусственное орошение давало огромные преимущества тем хозяйствам, которые могли его применять, а оно требовало капиталов и было не под силу мелким собственникам. Устраивались крестьянские ассоциации, но рано или поздно запутывались в долгах и погибали. За несколько столетий дело дошло до того, что мелкое землевладение сохранялось только в немногих отсталых уголках.

Между тем общее экономическое развитие вместе с ростом населения увеличивало спрос на землю и хлеб; быстро возрастала дороговизна жизни и с нею — земельная рента. От этого приходилось плохо всем, кроме лендлордов; не говоря уже о пролетарских и полупролетарских массах населения, даже огромное большинство капиталистов находило положение очень стеснительным: прибыль от предприятий урезывалась и высокой арендной платой за землю и высокой денежной платой за труд, на которую, однако, рабочий едва мог существовать. И чем сильнее росла вместе с рентой дороговизна жизни, тем напряженнее с разных сторон искали выхода. Но долгое время толку не получалось, потому что искали в разных, несовместимых направлениях.

Одни предлагали невыполнимые планы законодательного понижения хлебных цен и платы за аренду. Другие понимали, что без отнятия земли у лендлордов ничего поделаться нельзя, но расходились в том, как поступить с нею дальше: раздать ли ее мелкими участками во владение безземельным, желающим ее обрабатывать, или передать ее крупными поместьями целым ассоциациям, или, наконец, просто сдавать ее от государства тем, кто будет больше предлагать за аренду, т.е., очевидно, капиталистам. Первый из этих планов, при всей своей опасности для сельского хозяйства, которому он угрожал гибелью искусственного

орошения, насчитывал, однако, множество сторонников среди остатков мелкой буржуазии с родственными ей слоями интеллигенции, а также среди части рабочих, еще сохранивших идеалы крестьянства, из которого вышли их отцы. Второй план имел за себя большинство тогдашних социалистов из рабочих и интеллигентов; против него решительно высказался великий экономист Ксарма, который наглядно показал, что при больших капиталах, необходимых для ведения крупного хозяйства, крестьянские ассоциации скоро подпадут всецело под власть торгового и кредитного капитала, станут их подставными лицами, лишь номинальными владельцами. Но в те времена мало кто из социалистов шел за Ксармой. Третий план — чисто буржуазного «огосударствления» земли — выдвигали некоторые радикальные демократы; ему сочувствовала большая часть капиталистов. На деле только он и был осуществим, но к моменту выступления Мэнни далеко еще не собрал вокруг себя достаточных общественных сил.

На Земле, переживающей теперь аналогичную эпоху, такие же проекты «национализации» поддерживаются ничтожной горстью демократов, а почти вся буржуазия отвергает их как вредную утопию. Откуда это различие? Оно зависит от того, что на Земле гораздо острее и резче развивалось рабочее движение, которое на Марсе шло более медленным и менее бурным темпом. Среди рабочих-марсиан тогда царил дух умеренности и самой трезвой практичности; социализм почти повсюду сохранял мечтательно-филантропическую окраску, приданную ему теоретиками из интеллигенции; призрак социальной революции не стоял перед буржуазией осязательно-грозной возможностью. Напротив, буржуазия Земли увидела серьезную опасность со стороны пролетариата рань-

ше, чем успела окончательно свести свои счета с феодалами; это изменило ее отношение к ним. Ее пугает мысль о том подрыве, какой нанесла бы национализация земель священному принципу частной собственности, основе нынешнего социального строя: реально показать массам, что собственность целого класса может быть экспроприрована во имя общего блага! Затем, мирная по самому характеру своих занятий, даже несколько трусливая с тех пор, как она стала господствующим, т.е. наиболее удовлетворенным классом, земная буржуазия не особенно полагается на свои собственные усмирительные таланты, а потому высоко ценит остатки воинственности и свирепости, по наследству продолжающие сохраняться у аристократов; и она всегда готова на большие уступки, только бы иметь их союзниками в случае необходимости прямого подавления масс. Но при этом, разумеется, прежде всего, пришлось отказаться от идеи национализации.

Впрочем, для большинства стран Земли эта идея и помимо того в самом деле утопична, именно там, где сохраняется еще многочисленное крестьянство; в нем инстинкт собственности не слабеет, а усиливается под гнетом разорения, побуждающего бешено цепляться за последний клочок земли; без истребительной борьбы оно не уступило бы государству права собственности на свои участки и не поддавалось бы ни на какие обещания выгодной аренды.

Но на Марсе таких условий не было; положение было несравненно благоприятнее, и Мэнни сумел воспользоваться им. Во-первых, он связал идею национализации с великим делом, значение которого было ясно для всех. Во-вторых, он применил в своей книге очень простую и на вид убедительную аргументацию, которая присоединила к буржуазным национализато-

рам сторонников раздела на мелкие участки и сторонников крестьянских ассоциаций. Он указывал, что прежде всего надо сделать наиболее важное — устранить лендлордов. Затем, в виду невозможности быстро переделить землю или организовать ассоциации для ее коллективного возделывания, государство должно начать со сдачи земли в аренду обыкновенным путем — с торгов. Но ничто не мешает желающим добиваться путем парламентской борьбы перехода к иным формам эксплуатации национализированной земли: путь расчищен тогда для всяких новых проектов, потому что нет главного препятствия — землевладельцев.

Мэнни сам, конечно, не сознавал, насколько обманчивы эти аргументы: раз капитал через государство захватил в свои руки эксплуатацию земли, отнять ее у него было гораздо труднее, чем у прежних, не имевших твердой опоры в обществе лендлордов. Ксарма сразу уловил, в чем дело, но он был защитником плана Мэнни. А другие не смотрели так глубоко: все сторонники крестьянских и артельных идеалов с энтузиазмом примкнули к лозунгу немедленной национализации. Капиталисты тоже ковали железо, пока горячо.

Фели Рао созвал съезд промышленных и банковских синдикатов. Там была выработана программа действий и выбран совет синдикатов, который сразу выступил как решающая сила в борьбе. Аграрная революция была проведена через парламент.

Сохранившиеся кое-где остатки крестьянства бунтовали, защищая свою собственность, но были легко подавлены; это дало только повод экспроприировать их почти без выкупа. Лендлордам вместо выкупа были назначены пенсии, которые, однако, по закону не могли превосходить жалования высших чиновников рес-

публики, и были совершенно ничтожны по сравнению с прежними доходами землевладельцев. Синдикаты местами тоже владели землей; они сумели получить для себя наиболее выгодные условия, — выкуп без убытка, не считая перспективы огромных прибылей в будущем.

Мэнни не принимал прямого участия в этой борьбе, завершившейся в течение двух-трех лет: он продолжал работать над своим техническим планом. Когда затем он представил центральному парламенту детальный проект первых десяти каналов, которые он предлагал начать одновременно, проект был немедленно принят, а он назначен ответственным руководителем работ с почти диктаторскими полномочиями.

Работы начались.

2. Темные тучи

Из первой группы каналов, к прорытию которых приступил Мэнни, восемь предполагалось закончить через 20—30 лет; только два таумазийских — Нектар и Амброзия — должны были быть готовы через 10—12 лет: те два канала, которые первоначально образовали внутреннее море Таумазии — озеро Солнца; третий — Эосфорс — был проведен гораздо позже.

Работы велись в самых различных пунктах планеты, и для Мэнни было невозможно самому руководить ими на местах; но он сумел подобрать себе талантливых сотрудников, постоянно получал от них отчеты по телеграфу и отдавал большую часть времени на контрольные поездки. Самым выдающимся из этих сотрудников был инженер Маро, который покинул службу в динамитно-пороховом тресте, чтобы предложить свои услуги для нового дела. Через год он уже был первым помощником Мэнни и директором работ в Таумазии, на самом важном пункте: там каналы тре-

бовалось закончить как можно скорее, потому что результаты предстояли немедленные и для всех очевидные, подобно тому как в Ливии, но в еще более грандиозных размерах. Маро показал себя прекрасным организатором; другие помощники тоже были на высоте своих задач; всех одушевлял энтузиазм великого дела, и первые годы оно шло так, как только можно было желать.

Для рабочих условия труда были очень сносные, но все же, разумеется, случались конфликты с инженерами: из-за штрафов, злоупотреблений властью, неточностей в расчете, из-за увольнений и т.д. До забастовок не доходило, когда директорам работ всего не удавалось уладить, то рабочие соглашались ожидать приезда Мэнни, они по опыту полагались на его беспристрастное, чисто деловое отношение к спорным вопросам и знали, что при всей своей холодной сухости он никогда не пожертвует хотя бы малейшей частицей справедливости, как сам ее понимает, ради сохранения престижа их начальников. Инженеры не всегда бывали этим довольны, но даже те, которые между собой называли его «диктатором», признавали, что он внимательно выслушивает их мнения и считается со всеми серьезно-практическими аргументами. К тому же инженеры высоко ценили и честь работать под его руководством, и особенно — возможность быстрой карьеры при действительных знаниях и энергии.

На третьем году работ в отношениях между Мэнни и рабочими выступил новый момент. К этому времени, под влиянием бывших городских пролетариев, принесших на новые места свои организационные привычки и запросы, там успели сложиться рабочие союзы, вначале они захватили, конечно, лишь меньшинство рабочих; неорганизованные шли за ними, и охот-

но предоставляли им руководящую роль во всяких переговорах с инженерами. Большинство инженеров со своей стороны не отказывались иметь дело с делегатами союзов. Во время одной из поездок Мэнни в Таумазию к нему официально явились представители союза землекопов, работавших на канале Нектар. Дело шло о том, что нескольким тысячам землекопов пришлось прорывать грунт особенно плотный и частью каменистый. Система расплаты была сдельная с куба вынутой земли, для многих заработок стал получаться гораздо ниже нормального. Рабочий союз предлагал установить поденный минимум платы. Мэнни, по своему обыкновению, молча и внимательно выслушал посетителей, затем спросил, кем они избраны.

— Союзом землекопов, — отвечали они.

— Все ли заинтересованные в вопросе землекопы принадлежат к вашему союзу?

— Нет, не все.

— В таком случае я не могу обсуждать с вами этого дела. Договор о найме заключался не с союзом, а с каждым землекопом, поэтому и пересмотр условий не может выполняться при посредстве союза.

— Но невозможно же каждому землекопу вести за себя переговоры отдельно?

— Разумеется. Я и не отказываюсь беседовать с действительными представителями всех тех рабочих, которых дело касается. Но я не могу признать вас такими представителями. Вы выбраны не ими, а какой-то организацией, которая преследует свои, может быть, чуждые большинству из них задачи, и живет по своим нормам, не ими выработанным. То, что им нужно, они, если хотят, могут сами мне сообщить через своих непосредственно и свободно избранных делегатов.

— Но в настоящее время даже многие капиталисты

считают возможным вести переговоры с рабочими через союзы, да и нас направил к вам инженер Маро.

— Капиталисты поступают, как им кажется правильным, для меня это не имеет значения. Инженер Маро с полным основанием предложил вам обратиться ко мне, не желая сам решать вопроса. Моя же точка зрения теперь вам известна.

Рабочие ушли, возмущенные формализмом Мэнни. Они передали его ответ товарищам. Землекопы все вместе выбрали делегатов, и относительно способа расплаты дело было улажено. Но с этого времени передовые рабочие стали агитировать против Мэнни, обвиняя его в стремлении отнять у рабочих свободу организации: несомненное, но довольно понятное преувеличение. Агитация влияла и на массу тех рабочих, которые сами не организовались, но от права на это не хотели отказываться. Недоверие разрасталось.

Часть буржуазной печати, — самые распространённые органы, находившиеся в руках Совета Синдикатов, подхватила конфликт и стала усиленно раздувать его. Они осыпали двусмысленными похвалами «твёрдость» и «решительность» Мэнни, не упуская иногда прибавить, что, может быть, впрочем, его отношение к союзам несколько чересчур сурово и категорично, но — говорили они — не мешает иногда перегнуть палку в другую сторону, слишком дрябло и робко большая часть предпринимателей относится к этому насущному для них вопросу. При этом умело и кстати напоминалось о феодальном происхождении Мэнни, «железного рыцаря, сохранившего в себе лучшие черты своих предков, могучих герцогов Таумазии». Реакционная пресса бывших лендлордов, в свою очередь, вдруг начала говорить о Мэнни в совершенно новом тоне. «Республика украла его у старой аристократии, республика воспитала его в духе измены ве-

ликим традициям, — писал один из их публицистов, — но священные принципы берут свой реванш. Всей своей фигурой, всем своим поведением инженер Ормэн Альдо разоблачает демократическую ложь, которая не смогла развратить до конца древнюю кровь. С полной убедительностью он показал всему миру, что для выполнения истинно грандиозных дел необходим авторитет, необходима сильная власть, по существу своему, как бы ее ни называли, власть монархическая. Разве его герой отец, погибший в бою за честь и величие герцогского дома Альдо, мог даже мечтать для себя о таком могуществе, каким фактически обладает республиканец инженер Альдо?» Социалисты, с своей стороны, обличали «диктатора». Демократы в недоумении не знали, что сказать. Общественное мнение колебалось и понемногу поворачивало.

Вскоре у Мэнни прибавилось новое, очень серьезное затруднение. Канал Амброзия был доведен до того места, где он должен был пересекать на протяжении двухсот километров крайне нездоровую область, известную у таумазийцев под именем «Гнилых болот». Там на обширном пространстве неглубоко лежавшая, непроницаемая для воды подпочва из глины образовала множество подъемов до самой поверхности, уничтожавших возможность оттока воды, в бесчисленных неглубоких котловинах, благодаря этому, застаивалась дождевая вода, и затеривались речки, сбегавшие с ближних гор, которые затем должен был прорезать канал Амброзия. Страна была почти необитаема, с ее богатой, но только болотной растительностью и жестокими лихорадками. Триста тысяч рабочих должны были около двух лет работать в такой местности, часто по пояс в воде. Заболеваний было масса, тысячи умирали каждый месяц. Среди рабочих шло глухое брожение. Рабочие союзы совещались, но вначале не

могли прийти к общему решению.

Маро по мере возможности отсылал болевающих поправляться на работы по линии канала Нектар, а взамен брал оттуда свежие силы. Но в результате недовольство и возбуждение перекинулись также туда. Положение делалось все более напряженным. Для возникшего движения не хватало пока еще ясного боевого лозунга, его искали, и можно было предвидеть, что если не случится новых событий, способных вызвать поворот, то лозунг скоро найдется.

Мэнни отчасти предвидел такие осложнения, в своем «плане работ» он с особенной обстоятельностью мотивировал выбор направления для второго таумазийского канала. Он сам указал, что, по условиям рельефа, представлялось бы выгоднее перенести линию на несколько десятков километров к востоку, воспользовавшись углубленной долиной у подножия невысокой цепи холмов, идущей внутрь от морского берега, при этом область «Гнилых болот» была бы вполне обойдена. Но тогда большая часть канала прошла бы по одной из «тектонических линий» коры планеты, т.е. в местах, где возможны самые сильные землетрясения. Правда, там уже около двухсот пятидесяти лет не было замечено сколько-нибудь крупных колебаний, но все равно риск недопустим — весь канал, с построенными на нем городами и системой искусственного орошения, из него исходящей, мог быть разрушен когда-нибудь в несколько минут, и сотни тысяч человеческих жизней погибли бы в расплату за чужую ошибку. Приходится поэтому выбрать сознательное пожертвование тысячами жизней ради целей человечества, как во время прежних войн заведомо приносились еще большие жертвы ради интересов отдельной нации.

Чтобы еще усилить свои вывод, Мэнни выяснял,

что проведение канала через Гнилые Болота само по себе поведет к их быстрому осушению, давши сток их водам, и таким образом будет мирно завоевана для культуры почти мимоходом обширная провинция, которая даст пропитание двум-трем миллионам колонистов.

И вот среди возбужденных и озлобленных рабочих неизвестно откуда появилась и стала массами распространяться анонимная брошюра, где доказывалось, что рабочих «Амброзии» посылают на смерть без всякой необходимости. Автор пользовался тем, что рабочие не могли читать огромной, специальной книги Мэнни, и, не стесняясь, его же цифрами и данными доказывал, что технически выгоднее было вести канал по другому направлению, минуя «Болота». При этом в нескольких словах упоминалось о «явно несерьезной ссылке на опасность от землетрясений, которые, однако, уже сотни лет как прекратились»; и отсюда делалось заключение, что «у главного инженера, который не может не знать всего этого, есть какие-то свои мотивы и основания морить рабочих, союзы которых ему так ненавистны; но интересы дела тут ни при чем». Брошюра была написана талантливо, ярко, популярно и производила очень сильное впечатление.

Лозунг для движения был готов.

Мэнни в это время находился в столице, в семи тысячах километров от поля действий. Еще задолго перед тем он через правительство внес в парламент законопроект о пенсиях семьям рабочих, погибших или потерявших здоровье от местных и от профессиональных болезней на Великих Работах; до сих пор законами были предусмотрены только «несчастные случаи». Для успокоения в Таумазии было необходимо, чтобы закон прошел как можно скорее; большинство парламента, казалось, сочувствовало ему; но в комис-

сиях возникали постоянно какие-то формальные затруднения и проволочки, то и дело требовались разные новые справки, оспаривались цифры вероятных расходов, и дело неопределенно затягивалось. Мэнни решил употребить все усилия, чтобы добиться толку. Прежде всего надо было сговориться с первым министром, на которого Мэнни мог вполне рассчитывать: это был прежний министр общественных работ, при котором Мэнни провел проект Ливийского канала.

За час до свидания с министром Мэнни получил от Маро спешно присланный доклад, при котором был приложен экземпляр анонимной брошюры.

Министр уже был осведомлен обо всем. Он встретил Мэнни с той же брошюрой в руках.

— Замечательно искусный ход! — сказал он.

— Чей? — спросил Мэнни.

— По существу, конечно, тут Фели Рао. Но, хотя он очень сильный делец на бирже и за кулисами парламента, все же эта идея, по-моему, не из его обычных ресурсов. Я подозреваю инженера Маро.

Мэнни вздрогнул, как от неожиданного удара, и немного побледнел.

— На чем вы основываете свое подозрение?

— Сообщал ли вам инженер Маро о своем тайном свидании с вождем таумазийской рабочей федерации, неким механиком Арри?

— Нет. Факт вам достоверно известен?

— Я на днях вместе с этой брошюрой получил сообщение от агента, специально мной туда посланного. Человек ловкий и надежный, лично мне преданный.

— А как обстоит дело с законом о пенсиях?

— Почти безнадежно. Им удастся оттянуть его еще на два-три месяца, а события пойдут теперь быстро. Они отнесли его обсуждение к общему бюджету на следующий год. А с бюджетом, вы знаете...

— Но как вы могли допустить это, имея большинство?

— Большинство мнимое. Мы уже обречены.

— Разве ваша партия сама по себе не составляет больше половины палаты?

— Составляла. Но у Совета Синдикатов много денег. Я не могу только формально доказать, а тем не менее с достоверностью знаю, что среди наших «радикалов» прибавляется пятьдесят новых миллионеров.

— Как? Они настолько не жалеют денег?

— Вы стоите им дороже этих миллионов. Бюджет Великих Работ уже теперь приближается к четырем миллиардам в год. При хорошо поставленной системе хищения это может дать от одного до двух миллиардов.

— Что же, вы будете, со своей стороны, бороться за сохранение власти?

— Напротив, я буду добиваться того, чтобы они немедленно свергли наше министерство. Но это нелегко. Им слишком выгодно оставлять нас пока у власти в нынешнем безвыходном положении.

— Вы считаете его абсолютно безвыходным?

— Теперь — безусловно да. Рабочие возбуждены до крайности. Нам они вообще не доверяют; а эта история с законом о пенсиях - прямая улика против нас. Вам тоже ни в чем не удастся их убедить: они не станут слушать. Ваше отношение к союзам подорвало в корне возможность взаимного понимания. Я никогда не считал этого отношения правильным, — вы знаете мои мнения о необходимости уступок для сохранения социального мира; но о принципах спорить бесполезно, а положение ясно. Рабочие потребуют во что бы то ни стало, чтобы работы на «Гнилых болотах» были прекращены, а направление канала изменено. Согласитесь ли вы на это?

— Невозможно!

— И я так думаю. Уступить — значило бы сознаться в несовершенном преступлении, и совершить действительное преступление; в результате же ничтожная оттяжка тогда не менее неизбежного, но более позорного краха. Значит — забастовка рабочих, голод, затем восстание, военное усмирение...

— Если это будет необходимо...

— Бесплезно! Когда мы с вами выкупаемся в их крови, тогда-то наше дело и проиграно окончательно, даже без надежды в будущем. Популярности нашей конец, свергнуть непопулярное в массах министерство для Фели Рао будет как нельзя легче. От вас тогда отделаются еще вернее: нетрудно будет подготовить какого-нибудь наивного фанатика-рабочего, — ваши посещения работ дают сколько угодно подходящих случаев; не удастся один раз, — удастся в другой.

— Вы надеетесь скоро добиться отставки?

— Нужен предлог, надо получить меньшинство по важному вопросу. Сегодня вечером — совет министров. Завтра я рассчитываю с согласия моих коллег предложить парламенту немедленно выделить из вопросов бюджета и экстренно вотировать закон о пенсиях. Это могло бы испортить всю их игру. Пятьдесят купленных будут голосовать с оппозицией, и дело будет улажено. А затем остается ждать.

— Я никогда не думал, чтобы в жизни человечества существовали вполне безвыходные положения.

— Они бывают. Я могу сказать вам — есть вещи, которые я знаю лучше вас. Вы не любите истории, — это напрасно. А я изучал ее. И вот что, между прочим, я там увидел: общество — странное животное; время от времени ему необходима бессмысленная растрата его сил. Что могло быть нелепее войн? А сколько раз они были началом обновления народов! Теперь войн у нас

нет; нашлись другие способы. Начинается эпопея финансового цезаризма Фели Рао. Человечеству она обойдется дороже хорошей войны. Значит, это нужно истории. Не знаю, всегда ли так будет, но не сомневаюсь, что теперь это будет так.

3. Объяснение

Через неделю Мэнни был в Таумазиин. По дороге он получил телеграмму о падении министерства. Работы на обоих таумазийских каналах уже остановились: бастовало больше шестисот тысяч человек. Инженер Маро выехал к нему навстречу. Свидание произошло в доме управления работ, в новом городе при устье канала Нектар. Главный инженер внимательно выслушал доклад своего помощника обо всем, что происходило за последние дни, и затем сразу спросил:

— Какую цель имели ваши переговоры с вождем рабочих Арри?

Лицо Маро чуть дрогнуло, но через секунду стало по-прежнему непроницаемо-спокойным.

— Я признаю, что был не вполне прав, не известив вас об этой примирительной попытке, предпринятой мною частным образом, на свой риск и страх. Зная ваше отношение к рабочим союзам, я не мог официально иметь дело с их представителями. Но для меня было несомненно, что в данном случае от них зависит очень многое, если не все. Исключительность положения заставила меня пойти не вполне обычным путем.

— Можно узнать содержание вашей беседы?

— Я выяснял ему, что, по научно-техническим соображениям, в которых вы компетентнее всякого другого, вы безусловно не можете изменить плана работ, и что упорство рабочих не приведет ни к чему, кроме тяжелых репрессий. Я убеждал его употребить свое огромное влияние на рабочих в интересах успокоения.

Я указывал, что принятие парламентом закона о пенсиях могло бы быть только замедлено и затруднено всяким нарушением порядка, потому что власть, охраняя свое достоинство, должна избегать всего, что похоже на уступку незаконному давлению.

— Вы очень проникательны, инженер Маро, — с иронией заметил Мэнни, — вы говорили о невозможности изменения плана работ за несколько дней до появления анонимной брошюры, когда рабочие не пришли еще к такому требованию. Незачем продолжать эту комедию. Мы здесь одни. Чего хочет Совет Синдикатов, или, вернее, Фели Рао?

Маро немного побледнел и призадумался; затем, быстро решившись, сказал:

— Вы правы. Ход событий наметился, теперь мы с вами можем говорить прямо. Совет Синдикатов желает взять в свои руки административно-финансовую сторону работ. Техническую, без сомнения наиболее для вас важную, он рад был бы видеть по-прежнему в ваших руках. Совет считает себя вправе получить компенсацию за тот огромный ущерб, который уже нанесли ему Великие Работы. Они страшно увеличили спрос на рабочие руки и повысили требовательность рабочих...

— И дали синдикатам колоссальные заказы по хорошим ценам и небывалые прибыли... Вообще, справедливость лучше оставить в покое: решается вопрос силы. В какой форме Совет Синдикатов предполагает осуществить свое желание?

— Если вы согласитесь, то все устроится как нельзя легче, и на вашу долю выпадет наиболее почетная роль. Стачка будет упорная, но вначале, конечно, мирная. Вы выскажетесь открыто против присылки войск; тем не менее новое правительство пришлет их. Вы демонстративно снимете с себя всякую ответствен-

ность за дальнейшее. После этого произойдет усмирение; кровопускание потребуется довольно значительное; придется послать войска и на другие каналы, чтобы предупредить сочувственные забастовки и восстания. В виде протеста вы сложите с себя все обязанности администратора работ и заявите, что только желание довести до конца дело, важное для всего человечества, побуждает вас оставить за собой научно-техническое руководство. Будет назначен Исполнительный Совет для заведывания бюджетом и для поддержания порядка на работах; туда войдут представитель от министерства финансов — Фели Рао, от министерства общественных работ, — это буду я, — и еще один от центральной полиции. Затем, чтобы доставить вам еще более полное удовлетворение, парламент свергнет нынешнее правительство; оно нарочно составлено из безличностей, наиболее удобных для выполнения щекотливых дел.

Наступило молчание. Лицо Мэнни было спокойно, но глаза его странно потемнели, и голос звучал несколько глухо, когда он вновь заговорил.

— Прекрасно, все это вам очень просто выполнить, если я согласен подчиниться. Ну а если нет?

— Это было бы очень печально, и мы надеемся, что вы с вашим гениальным умом, беспристрастно и точно оценивающим силы, не захотите длить борьбы, совершенно безнадежной и бесполезной. Но я могу сказать вам, какова бы была наша тактика и в этом невероятном случае. Тогда об укрощении рабочих не было бы и речи, — самое заботливое, самое отеческое отношение к ним. В парламенте был бы поставлен вопрос, нельзя ли и в самом деле изменить направление канала; была бы назначена комиссия из ученых старых академиков, — вы знаете, как они вас ненавидят. Можно поручиться, что комиссия выскажется доста-

точно двусмысленно и неопределенно, чтобы парламент мог удовлетворить вопреки вам требование рабочих, а ваше положение тогда...

Маро остановился. В нем вызывал смутное беспокойство потемневший взгляд Мэнни, и он невольно отвел глаза. Благодаря этому он не видел, как на несколько мгновений этот взгляд неподвижно остановился на тусклой поверхности бронзового разрезного ножа, лежавшего между бумагами сбоку от них обоих. Маро закончил:

— Вы видите, что этот исход был бы во всех отношениях худшим.

— И вы не задумались бы совершить преступление перед наукой и человечеством ради... бюджета?

Оттенок холодного презрения в произнесенных словах был сильнее пощечины. Маро выпрямился, глаза его засветились циническим блеском, деловая сдержанность сменилась наглой насмешкой.

— Преступление?! Какие фразы! И вам нечего больше возразить? Но мы будем действовать в самом законном порядке. А насчет землетрясения... оно, наверное, случится уже тогда, когда нас не будет!

— Да, вас тогда не будет!

Мэнни вскочил, и Маро не успел уклониться от его движения, быстрого, как молния. Бронзовый нож не был бы оружием в руках обыкновенного человека, но инженер Альдо был потомком древних рыцарей. Сонная артерия шеи и горло были разорваны ударом. Кровь брызнула фонтаном, и Маро упал. Несколько судорог, слабое хрипение... Затем тишина.

4. Суд

Дело Мэнни было отложено на несколько месяцев, «до успокоения». Тем временем рабочие были усмирены военной силой, союзы разгромлены, вожди их аре-

стованы. Газеты усиленно подготовляли общественное мнение к процессу Мэнни, изображая его человеком бешено-деспотичного характера, способным на всякие крайности при малейшем противоречии. Были использованы с надлежащими украшениями и кровавые биографии некоторых его предков. В злорадном хоре потонули голоса немногих защитников.

На основании связи убийства с политическими событиями правительство предало Мэнни суду верховного трибунала, состоявшего из самых заслуженных, самых древних юристов. Публика на процесс была допущена по строгому выбору. В качестве прокурора выступил один из товарищей министра юстиции. Адвоката обвиняемый иметь не пожелал.

Мэнни в своем показании ограничился точным изложением своего разговора с Маро. Большинство свидетельских показаний сводилось к неблагоприятным отзывам о характере Мэнни. Публика с интересом ожидала двух свидетелей — бывшего министра-президента и арестованного рабочего вождя Арри. Но оба не явились: первый неожиданно тяжело заболел какой-то неопределенной болезнью, второй был ранен часовым в тюрьме при попытке побега. Фели Рао умел призвать случай себе на помощь. Суд, конечно, признал возможным продолжать дело без этих свидетелей.

Прокурор в своей речи заявил, что объяснения Мэнни суд просто не может принимать во внимание. «Как известно, во всех процессах, — говорил он, показания обвиняемых бывают наиболее благоприятны для них самих; но перед нами передача разговора происходившего наедине, т.е. нечто недоступное проверке; а юридически существуют только проверенные факты. Изображать такого человека, как почтенный Фели Рао, и с ним весь Совет синдикатов в виде пре-

ступных заговорщиков — не явная ли это фантазия, навеянная желанием оправдаться? Остается определенный и установленный факт — самое убийство, которого и обвиняемый не отрицает». Несколько раз прокурор распространялся на тему о том затруднительном положении, в которое ставят суд высокое положение обвиняемого и его заслуги перед человечеством: «... но надо помнить, что перед республиканским законом нет великих или ничтожных людей, — здесь все равны; и если допустимо какое различие, то разве лишь то, что кому больше дано, с того больше и спрашивается». Из этого прокурор делал вывод, что о смягчающих обстоятельствах не может быть речи: «... не вполне выяснен только вопрос о предумышленности убийства, — и сомнение тут должно быть истолковано в пользу подсудимого».

В своем последнем слове Мэнни заметил, что прокурор вполне прав, отвергая мысль о смягчающих обстоятельствах: «совершенный мною акт справедливости не нуждается в них; но и для тех кто совершит здесь действительное преступление, суд будущего не найдет смягчающих обстоятельств, ибо если величие не есть оправдание, то и ничтожество — тоже».

Председатель призвал обвиняемого к порядку, с угрозой лишить его слова. «Мне осталось сказать немного, — закончил тогда Мэнни, — я только решительно протестую против предположения о непредумышленности; то, что я сделал, я сделал вполне сознательно и обдуманно».

Судьи были возмущены холодным высокомерием Мэнни; и хотя перед тем в частных переговорах они заявляли министрам, что не смогут приговорить Мэнни больше, чем на несколько лет тюрьмы, теперь они почувствовали, что это не удовлетворило бы их. Приговор был поставлен максимальный — пятнадцать

лет одиночного заключения.

Во дворе здания верховного трибунала масса публики толпилась в ожидании приговора. Когда из уст в уста пронеслось известие о нем, все были поражены; воцарилось мертвое молчание. Оно стало как будто еще глубже, когда наверху каменной лестницы показалась между жандармами атлетическая спокойная фигура инженера Мэнни, которого вели к тюремной карете. Все расступались. Какая-то сила заставила отклониться неподвижно устремленный вперед взгляд Мэнни. Его глаза встретились с глазами высокой, красивой женщины, которая держала за руку мальчика лет двенадцати-тринадцати. Что-то знакомое...

Среди тишины раздался звучный женский голос:

— Дитя, взгляни на героя и... не забывай!

Воспоминание вспыхнуло в душе Мэнни:

— Нэлла!

ЧАСТЬ II

1. НЭТТИ

Прошло двенадцать лет.

На одной из пролетарских окраин Центрополиса, в тускло-освещенной подвальной зале небольшого трактира собралось около тридцати человек. Худощавые фигуры, энергичные, интеллигентные лица, рабочие костюмы... Когда двери были заперты и водворилось молчание, старик-председатель поднялся и сказал:

— Братья!

(Таково было обычное в те времена обращение между членами рабочих организаций.)

— Я объявляю открытым Совет федерации Великих работ.

Вы, секретари союзов, хорошо знаете то положение вещей, которое вынудило вас тайно здесь собраться, чтобы найти и обсудить общий план действий. Вы знаете, что условия труда становятся у нас все более невыносимыми. За годы, прошедшие со времени неудачной всеобщей забастовки и расстрела тысяч наших братьев, наглость эксплуататоров непрерывно возрастала. Заработная плата уменьшилась на треть, между тем как почти все стало дороже. Рабочий день повсюду шаг за шагом увеличили с десяти до

двенадцати часов. Инженеры, подрядчики, даже десятники обращаются с нами, как с крепостными, нас штрафуют и рассчитывают по произволу. Наши организации преследуют систематически. Вы помните, чего нам стоило возобновить их после разгрома. Теперь активных работников увольняют с работ под первым попавшимся предложением, а то и без всякого предложения, почти все вы испытали это на себе.

Но растет и недовольство. Долго подавленный пролетарий поднимает наконец голову. Он осматривается вокруг и говорит: «Да что же это? Почему? На каком основании?» А затем он переходит и к другому, более важному, вопросу: «Что надо делать?» Этот вопрос мы тысячи и тысячи раз слышали от братьев на местах, к нему приводил нас каждый разговор с ними. Этот вопрос собрал нас сюда, заставил возобновить, после долгого перерыва, нашу, запрещенную правительством, Общую Федерацию. Соединим весь наш опыт, все наши силы для общей работы, от которой будет зависеть судьба миллионов наших братьев, и не разойдемся, пока не решим этого вопроса!

Итак, братья, расскажите, что знаете и предложите, что считаете лучшим!

Десять ораторов, все с разных каналов, один за другим брали слово.

Их речи были коротки: сжатая характеристика положения на месте, несколько типичных фактов относительно условий труда, несколько цифр относительно состояния организаций, затем выводы. Все сходилось на том, что надо немедленно сообща начинать борьбу, иначе она вспыхнет разрозненно и стихийно, все признавали, что единственное оружие — всеобщая забастовка, что ее лозунгом должно быть возвращение прежних условий труда, какие были до первой стачки. Некоторые предложили обратиться за под-

держкой к железнодорожникам, механикам и углекопам, наилучше организованным из остальных рабочих: они также много потеряли за эти годы под ударами усилившихся синдикатов, и можно было надеяться, что они согласятся выступить одновременно со своими требованиями; тогда шансы победы были бы очень велики. Казалось, что план действий почти выяснен, когда слово взял немолодой сидевший рядом с председателем рабочих Арри.

— Братья, — сказал он, — я предлагаю вам дать слово для доклада моему сыну, инженеру Нэтти. Он присутствует здесь пока без права голоса, не как представитель союза, а как один из организаторов съезда. Некоторые из вас его знают: он объехал с поручениями по этому делу половину организаций. Мы привыкли не доверять чужим, и это правильно: сколько нас обманывали, сколько нам изменяли в прошлом! Но он не чужой нам, он из рабочей семьи, да и сам еще мальчиком работал на заводе. Он много учился: если под конец он пошел и туда, где учатся наши враги, то сделал это для того, чтобы найти новое оружие для защиты нашего дела. Вы не потеряете времени, если выслушаете его.

Все единодушно выразили согласие. Тогда поднялся высокий молодой человек с ясными, зеленоватыми глазами.

— Братья! К тому, что предыдущие ораторы сказали о положении рабочих на местах, об их настроении, надеждах и желаниях, я ничего не могу прибавить, в этом все вы компетентнее меня. Я буду говорить о другой стороне дела, сообщу вам такие вещи, о которых, наверное, многие из вас догадывались, но никто не нашел возможным упоминать, не имея точных данных и доказательств, — о том, как ведутся великие работы в техническом и финансовом отношении. Это

— сплошное царство грубых ошибок и беспримерной недобросовестности, невиданного грабежа и хищения. Я утверждаю это и могу доказать: вот уже несколько лет, еще с того времени, как я был студентом, я изучаю это дело. У меня были не только все печатные отчеты и материалы, доступные специалистам; при помощи личных связей, которые мне удалось завести в инженерном мире, и особенно - среди служащих центрального управления работ, я получил доступ к документам, которые хранятся в глубине архивов и вдали от нескромных глаз; многое, кроме того, пришлось увидеть и разузнать на месте, во время организационных поездок по нашим общим делам. Когда я все собрал, сопоставил, раскрыл противоречия фальшивых цифр и подвел итоги, предо мной выступила картина чудовищная, подавляющая.

Планы великого инженера были искажены, извращены новыми руководителями работ, частью по бездарности, а главным образом — из-за корыстных, мошеннических расчетов. Знаете, почему на Гнилых болотах вместо предположенных двух лет работы продолжались почти четыре года? Во-первых, не были применены специальные машины, не только тогда уже изобретенные, но испытанные и одобренные инженерами Мэнни и Маро. Во-вторых, была отклонена линия канала вдоль края болот, под тем предлогом, чтобы избегнуть лежащего дальше каменистого грунта, которого - я убедился в этом своими глазами - там вовсе нет. Кому и зачем это было нужно? Дело в том, что рабочие умирали тысячами, но больше половины умерших по целому году, по полтора года продолжали числиться в списках как работающие или как больные; плата на них получалась. Кем? Про то известно подрядчикам и инженерам. А потом — пенсии семьям погибших. Хотя на те места заботливо переводили

бессемейных и холостых, у всех умерших оказывались семьи; и вот уже сколько лет пенсии выплачиваются по меньшей мере двадцати тысячам несуществующих семей.

Вы все замечали, конечно, как часто масса рабочих безо всякой видимой причины переводится с одних участков на другие, а с тех на эти. Причина есть, и очень простая. Бухгалтерия ведется таким образом, что до конца отчетного года переведенные рабочие числятся на прежнем месте, но также и на новом. Заработная плата ассигнуется двойная, - но вы знаете, что двойной платы они не получают. Этим способом и еще другими достигается то, что по официальным отчетам на рабочих идет больше, чем во времена инженера Мэнни, хотя число их остается почти прежнее, а заработок каждого — на треть меньше.

Вы помните катастрофу на канале Ганга, когда при закладке мин от неожиданного их взрыва погибло две тысячи человек. Официальное следствие нашло небрежность и неосторожность, было отрешено от должности три инженера, посажен в тюрьму один, случайно оставшийся в живых, минный техник. Но вы не знаете того, что все три уволенных инженера сразу стали богатыми людьми. В опубликованном отчете следствия не напечатано также то, что они первоначально ответили на допросе. Они сказали, что взрыва нельзя было предвидеть, он произошел самопроизвольно, потому что динамит был негодный. Этот сильнейший и самый дорогой по цене вид динамита должен готовиться из абсолютно чистых химических материалов. Если взять материалы почти, но не абсолютно чистые, то его приготовление обходится втрое дешевле, и взрывная сила та же, но он тогда может взрываться сам собою. Нечего и говорить, что динамитно-пороховой трест поставляет его все это вре-

мя по цене состава идеальной очистки, т.е. втрое дороже действительной, а жизнь рабочих, конечно, в счет не идет. Несколько мелких несчастных случаев прошли незамеченными; большая катастрофа подвергла опасности прибыль треста. Прибыль эта, благодаря гигантскому применению динамита на Великих Работах, измеряется сотнями миллионов в год. Неудивительно, что они бросили десяток миллионов, чтобы заткнуть рот следователям и обвиняемым.

Тут один из делегатов прервал оратора:

— Вы можете доказать все это?

— Да, могу, — ответил Нэтти. — Братья рабочие достали мне образцы динамита, и я сделал анализ. Через друзей инженеров на самом большом динамитном заводе я разузнал в точности способы приготовления. Через банковых служащих мне удалось хитростью выяснить время, когда у трех инженеров появились миллионные вклады. И я могу доказать еще больше, — что двенадцать лет тому назад девять десятых акций динамитно-порохового треста были скуплены Фели Рао, председателем Центрального правления Великих работ, могу доказать это и многое другое, о чем долго было бы вам рассказывать.

Я скажу вам, к чему привели меня мои подсчеты. За двенадцать лет бюджет Великих работ составил с небольшим пятьдесят миллиардов. Из них расхищено и раскрадено от шестнадцати до восемнадцати миллиардов. Один Фели Рао, состояние которого тогда равнялось «всего» пятистам миллионам, теперь «оценивается» в три с половиной миллиарда. А самые работы страшно замедлились. Нектар и Амброзия должны были быть закончены уже несколько лет тому назад; между тем они будут готовы только через полтора—два года. Так же и на других каналах. Великое дело обессилено хищниками, — его, как и кровь рабочих,

они приносят в жертву своей безграничной жадности.

Первый вывод ясен. В свои требования вы включите: прекращение грабежа, суд над преступниками, конфискацию похищенного. А я одновременно с вашим манифестом выпущу свою книгу разоблачений, с точными данными и документами. На этом пункте нас поддержат широкие слои буржуазии, задавленные синдикатами и полные ненависти к их дельцам-миллиардерам. Правда, борьба станет тем более ожесточенной, против нас будут пущены в ход не только все законные, но и все незаконные средства. Это не заставит нас отступить. Согласны ли вы с моим первым выводом?

— Да! Да! Конечно! — пронеслось по залу.

— Теперь подведем итоги нашим требованиям и посмотрим, что получается. Мы хотим такой заработной платы, такого рабочего дня и такого порядка на работах, какие были до первой забастовки, то есть при инженере Мэнни. Мы хотим положить конец грабежу, хищениям, неумелому и опасному для рабочих техническому ведению работ, — всему, что началось после инженера Мэнни. Надо ли говорить вам, какой второй вывод логически вытекает из этого? Мы должны требовать восстановления в правах инженера Мэнни.

Ропот неодобрения среди слушателей. Восклицания: «Никогда!» — «Что он говорит!» — «Невозможно!» — «Это насмешка над нами!» — «Так вот к чему все клонилось!». Возбуждение усиливается, некоторые порывисто вскакивают с мест. Арри кричит: «Дайте ему высказаться до конца!». Нэтти остается неподвижным в позе ожидания. Председатель призывает к спокойствию. Мало-по-малу тишина восстанавливается. В атмосфере недоверия, недоумения Нэтти продолжает:

— Братья, для меня не новость, что вы ненавидите

инженера Мэнни. Но дело идет не о наших чувствах, дело идет о борьбе и победе. Поэтому обсудим беспристрастно. Что имеете вы против возвращения инженера Мэнни?

Снова ряд бурных восклицаний: «Он враг союзов!» — «Он убийца наших братьев!» — «Он виновник забастовки и пролитой крови!» — «Разве вы не знаете?». Нэтти делает знак, что хочет говорить дальше. Водворяется снова неспокойное молчание.

— Вот вы сказали то, что думаете, и теперь я прошу вас не прерывая выслушать меня до конца: все равно, ведь решать будете вы, а не я. Разберем обвинения. Первое: Мэнни — враг союзов. Безусловно верно. Ну, а нынешнее управление работ не враг союзов? А то, которое сменит его, не будет, во всяком случае, врагом союзов? Мы не дети, чтобы надеяться на иное. Мы не изменим этого, пока существует нынешний строй, пока держится эксплуатация, пока один класс господствует над другим и боится его. Но и враги бывают разные. Мэнни не признавал союзов, отказывался вступать в переговоры с ними. Однако преследовал ли он их? Разве тогда увольняли за участие в союзах? Разве нашей федерации приходилось скрываться в подполье? Он — человек другого мировоззрения, но действовал честно и открыто, его вражда была идейной и принципиальной. Нынешние директора иногда говорят вам: «Пусть союз пришлет своих делегатов, мы обсудим с ними ваши требования». А что бывает потом с этими делегатами? Предпочтете вы такое отношение к союзам? Нет, братья, нам обыкновенно не приходится выбирать своих врагов, но когда это возможно, надо их различать.

— Разве это главное? — прервал один молодой делегат. — А кровь наших братьев?

— Да, в этом, действительно, главное. И тут я дол-

жен рассказать вам то, чего вы не знаете. Вы были введены в заблуждение с самого начала, а потом враги скрывали от вас истину; раскрыть же сами вы ее не могли; и не на то были направлены ваши заботы в эти тяжелые годы. Эта истина вот такая: инженер Мэнни невиновен ни в гибели тех, кого задушили лихорадки на работах, ни в крови тех, кто был убит при забастовке.

— А кто же отправил рабочих на Гнилые болота?

— Братья, это сделал не инженер Мэнни. Это сделала необходимость. Вы поверили лживой, предательской брошюре, автор которой, скрывший свое имя, — инженер Маро — знал, что он вас обманывает, и знал, зачем делает это. Каналу Амброзия нельзя было дать другое направление, я сейчас объясню вам, почему.

— Наверное, всем вам известно, что наша планета представляет шар из расплавленной, огненно-жидкой массы, покрытой снаружи застывшей, твердой корой. Кора эта не такая неподвижная и не настолько сплошная, какой она кажется нашим глазам. Она состоит из тесно сложенных огромных глыб или плит, образующих как бы гигантскую мозаику. До сих пор не выяснено, по каким законам происходят движения в расплавленном океане внутри планеты, но они совершаются постоянно, — вероятно, вследствие постепенного охлаждения и стягивания всей этой жидкой массы, — и с неуловимой медленностью в ряду тысячелетий приподнимают кору в одних местах, опускают ее в других. Не всегда, однако, эти движения протекают так спокойно, так ровно. Иногда из них рождаются страшные, разрушительные потрясения коры, при которых могут возникать или исчезать целые пропасти, возвышения, озера, острова, и всякая жизнь подвергается грозной, неотвратимой опасности. На нашей планете, внутреннее охлаждение которой зашло уже

далеко, эти явления выступают редко, с долгими промежутками, но тем грознее. Понятно, где бывают центры таких катастроф, где они разражаются с наибольшей силой: по линиям сложения кусков исполинской планетной мозаики. И вот как раз на такой линии расположена та долина, по которой будто бы можно было вести канал Амброзию, эта долина и образовалась когда-то сразу в результате землетрясения, о котором у людей не сохранилось преданий; но еще около трехсот лет назад она сильно изменила свой вид от новых подземных ударов, погибло и несколько сот людей, не больше потому, что мало их там жило. При других землетрясениях были примеры гибели целых городов с десятками и сотнями тысяч людей.

Теперь представьте себе, что там был бы проведен канал, с целой системой орошения. Огромные города выросли бы на нем, миллионы людей возделывали бы поля и луга, оплодотворенные его водою. Прошло бы пятьдесят, сто, двести лет, — наука еще не достигла предвиденья в этом, и все было бы разбито, быть может, уничтожено в несколько минут. Скажете ли вы, что тысячи жизней в настоящем дороже тех миллионов в будущем? Нет, вы никогда не думали так, вы бойцы за свое дело, вы считаете правильным и разумным жертвовать тысячами жизней теперь, чтобы миллионам стало свободнее в будущем. Так же, как вы, люди труда, думал человек науки, инженер Мэнни.

Вас обманули, вызвали на борьбу, подвели под выстрелы... Кто? Шайка бесчестных людей с Фели Рао и Маро во главе. Зачем? Чтобы свергнуть того, кто был неподкупен, кто стоял для них на пути к миллиардам. Им удалось, и они взяли свое.

Я не говорю о справедливости, хотя и к врагам лучше быть справедливыми. Я говорю о победе, об успехе. Чем можете вы лучше расстроить ряды врагов, как не

этим неожиданным и страшным для них требованием? Общественное мнение будет с нами: оно давно стало склоняться на сторону Мэнни, оно уже возмущается тем, что для великого человека не находится другого места, как в тюрьме; эта трусливая, лицемерная публика заявляет, что он «уже искупил свое преступление». Но мы чувствуем не так, мы способны понять, что он поступил, как человек убеждения, и что преступник был не он, а осудившие его лакеи капитала.

И примите в расчет еще одно: если возвращается Мэнни, его руками восстанавливаются все старые условия. Если же его нет, то противники с нами торгуются, соглашаются на одно, отказывают в другом; и возможно, что масса поддастся на частичные уступки.

Наконец, разве нам не дороги интересы самого дела, которое мы выполняем, самих Великих работ? Ведь это — интересы человечества. И разве они не требуют, чтобы дело было передано тому, кто гениально его задумал, и кто лучше всех сумеет вести его?

А в том, в чем он нам враждебен, мы сумеем бороться с ним тогда, когда он будет стоять против нас. И тогда, братья, мы постараемся показать себя достойными и *такого* врага!

После речи Нэтти несколько минут никто не брал слова. Пораженные, ошеломленные слушатели отдавались своим тяжелым мыслям. Видя такое положение, выступил Арри:

— Я подтверждаю вам истину того, что сказал Нэтти. Больше, чем кто-либо из вас, я ненавижу инженера Мэнни; и тогда я вначале горячо стоял за борьбу. Но некоторые факты скоро вызвали во мне сомнение. Когда Маро тайно пришел ко мне и, рассчитывая на мою наивность, под видом фальшивого призыва к спокойствию, старался разжечь меня на агитацию лично против Мэнни; когда затем неизвестно откуда

явилась и сразу распространилась массаами анонимная брошюра, толкавшая на забастовку, — тогда я почувствовал, что тут что-то неладно. Я убеждал товарищей приостановиться и выяснить дело, я указывал, что кто-то хочет играть нами, и наш сегодняшний председатель поддерживает меня. К несчастью, стачка возникла стихийно, и мы не успели никого убедить; а нас, как и весь Совет Федерации, немедленно вслед за тем арестовали, чтобы еще усилить ожесточение братьев. В тюрьме предательским способом мне устроили побег, при котором должны были убить меня, чтобы я не явился свидетелем на процесс Мэнни. Случайно рана оказалась не смертельной. После этого я решил употребить все усилия, чтобы узнать правду. Друзья доставили мне в тюрьму книги, я изучил нужные науки, увидел ясно обман и подлую измену, догадался, зачем и кому она была нужна. Но у меня были только догадки, — доказательства нашел Нэтти; ему долго пришлось искать их. Когда же, два года тому назад, я вышел из тюрьмы, то все заботы направил на восстановление нашей Федерации, а о том, что знал, не говорил никому, чтобы враги не были как-нибудь предупреждены и не помешали Нэтти довести его дело до конца. Но теперь все подготовлено, настало время действовать.

После Арри взял слово молодой делегат, который чаще всех перебивал речь Нэтти.

— Хорошо! — сказал он нервным, прерывающимся от волнения голосом. — Нэтти и Арри убедили меня, я буду голосовать за их план. Но посмотрите, братья, как ужасно наше положение. Вот мы сейчас узнаем много вещей, о которых не подозревали. Но ведь от них зависит наша судьба, наша жизнь, наша воля. Предатели говорили нашим братьям, что Мэнни напрасно послал их на болота, — *те поверили*. Арри был десять лет в

тюрьме, он изучил геологию и говорит нам, что это — ложь; мы, конечно, *верим* ему. Нас заставили лишних два года работать на тех же болотах под предлогом какого-то каменистого грунта; и мы ничего не знали. Нэтти объяснил, что этого не было нужно, что инженеры лгали; мы *верим* Нэтти. Нас принуждают работать с негодным динамитом, который каждую минуту может взорвать нас, и мы теперь только, после гибели тысяч людей, в первый раз об этом услышали. Нэтти — инженер, он сделал анализ, мы имеем все основания *верить* ему. Но что же это такое: верить, верить и верить! И потом, если бы Нэтти не ушел из рабочих в инженеры, если бы Арри не мучился десять лет в тюрьме, мы, может быть, ничего этого не узнали бы; наши решения были бы другие, наши силы были бы растрачены неразумно. Разве это не рабство, не самое худшее рабство? Нэтти, Арри, братья, где выход из него? Как сделать, чтобы мы могли сами *знать и видеть*, а не только верить? Или это невозможно, и всегда будет так, как теперь? А если это невозможно, то стоит ли жить и бороться, чтобы оставаться рабами?

Нэтти ответил ему:

— Брат, ты положил руку на больное место. Наука до сих пор — сила наших врагов: мы победим тогда, когда сделаем ее нашей силой. Тут перед нами великая и трудная задача. Мы будем, конечно, отвоевывать свободное время, чтобы учиться. Мы будем брать знание всюду, где возможно. Но этого мало. Обрывки и крошки знания - это не то, с чем можно сознательно решать самые важные и сложные вопросы жизни.

Некоторым из нас удастся, как удалось мне, ближе подойти к чужой науке и овладеть как следует какой-нибудь ее частью. И этого мало. Для пролетария завоевано только то, что завоевано для всех. А нынешняя наука такова, что даже избранным, которые нашли

доступ к ней, достается ее малая доля: одна специальность. На большее не хватит времени и сил. Но специальность не дает понимания трудовой жизни в целом.

Мне пришлось изучать разные науки; я мог сделать это, потому что способности у меня больше, чем у многих других людей. Изучая, вот к чему я пришел. Нынешняя наука такова же, как общество, которое создало ее: она сильна, но разъединена и масса сил в ней растрачивается даром. В ее дроблении каждая часть развивалась отдельно и потеряла живую связь с другими. Оттого получилось много уродливостей, масса бесплодных ухищрений и путаницы. Одни и те же вещи, одни и те же мысли в разных отраслях имеют десятки разных выражений и в каждом из них изучаются, как нечто новое. Каждая отрасль имеет свой особый язык — привилегия посвященных, препятствие для всех остальных. Много трудностей порождается тем, что наука оторвалась от жизни и труда, забыла о своем происхождении, перестала сознавать свое назначение; отсюда мнимые задачи и часто окольные пути в простых вопросах.

Все это заметил я в современной науке, и мнение мое таково. Такая, как теперь, она не годится для рабочего класса, и потому, что слишком трудна, и потому, что недостаточна. Он должен ею овладевать, изменяя ее. В его руках должна стать и несравненно проще, и стройнее, и жизненнее. Надо преодолеть ее дробление, надо сблизить ее с трудом, ее первым источником. Это — огромная работа. Я начал ее; другие, кому удастся найти пути и средства, будут продолжать. Первые шаги, как всегда, будут делаться в одиночку; а потом силы объединятся. Одному поколению не выполнить дела, но каждый шаг его будет частицей освобождения.

— Задача поставлена, необходимая задача. Она по-

требует бесчисленных попыток, мучительных усилий; путь к ее решению пройдет через многие неудачи и крушения. Но такова и вся наша борьба. Она тяжела и не может быть иною, потому что высок наш идеал. А если бы она была легка, тогда, братья, стоило бы говорить о ней?

2. Возвращение

Инженеру Мэнни в тюрьме была предоставлена возможность не только заниматься наукой, что разрешалось вообще заключенным, но также следить за всем ходом общественной жизни. Вероятно, тут был известный расчет со стороны его врагов: заставляя его присутствовать при разрушении созданной им организации, при удалении лучших его сотрудников, при измене остальных, хотели усилить для него нравственную пытку, чтобы тем вернее навсегда сломить его волю. Первые годы Фели Рао не терял надежды подчинить его, сделать союзником в своих планах и несколько раз тайно, через директора тюрьмы, предлагал ему, вместе с полным помилованием, все те условия, которые когда-то передал ему в последнем разговоре Маро. Мэнни не отвечал на эти предложения. Он все время продолжал разработку своего плана работ, пользуясь всеми новейшими исследованиями. Вместе с тем он успел сделать несколько важных изобретений, которые были потом применены на работах.

Фели Рао чувствовал себя беспокойно. Общественное мнение по разным поводам то и дело возвращалось к вопросу о Мэнни и с каждым разом высказывалось настойчивее в его пользу. В парламенте раздавались резкие речи; правительству и верным депутатам становилось все труднее удерживать прежнее положение. Рао решил, что надо во что бы то ни стало от-

делаться от опасного противника. Но в тюрьме это было невозможно. Центральный Дом Заключения отличался такой идеальной организацией контроля, что для убийства потребовалась бы целая масса подкупленных сообщников, и дело неминуемо обнаружилось бы. От имени Президента Республики Мэнни на десятом году тюрьмы было официально предложено помилование. Мэнни отказался: по закону он имел право на это. Он не знал, что это спасало его жизнь. Но общественное мнение было неприятно поражено непримиримостью Мэнни. Для Фели Рао это было хоть каким-нибудь выигрышем.

Но вдруг разразился удар грома. Одновременно вышел манифест Федерации Работ, манифеста ряда других союзов о солидарности с нею и книга Нэтти: «Великие работы и великое преступление». Рабочие давали правительству и парламенту для ответа месячный срок, угрожая всеобщей забастовкой; книга Нэтти сразу нашла миллионы читателей. Его разоблачения вызвали массу подтверждений; немедленно явились и новые обличители. В столице и крупных центрах произошел ряд демонстраций. Министерство пало. Даже президент Республики вышел в отставку.

Новое правительство, не имея надежного большинства в парламенте, немедленно его распустило и назначило новые выборы. Оно заявило рабочим, что во всем существенном согласно с их требованиями, и организовало следствие по поводу разоблаченных преступлений. Было привлечено к суду множество финансовых и парламентских дельцов; министр юстиции распорядился арестовать самого Фели Рао. Но тот не допустил этого: видя, что партия проиграна, он застрелился.

Мэнни опять было предложено помилование. Он снова отказался. Правительство не знало, что с ним

делать, и было вынуждено ждать, пока собрался парламент. К этому времени следствие добыло уже массу материала; в том числе выяснилось многое относительно закулисной стороны процесса Мэнни.

Наконец выборы закончились, и депутаты съехались. Президентом Республики был избран прежний министр, поддерживавший Мэнни. На совещании правительства с лидерами его партии были выработаны новые предложения инженеру Мэнни.

Он ничем не выразил удивления, когда в его камеру неожиданно явились президент Республики с премьером и министром юстиции; он только с легкой иронией предложил им свой единственный стул, а сам отошел и прислонился возле окна. Президент официально заявил ему, что правительство, ввиду открывшихся новых фактов, думает предложить Верховному Трибуналу пересмотр его дела. При этом, до нового решения дела, он, Мэнни, мог бы быть предварительно освобожден и предварительно восстановлен в своих правах. Правительство желало бы заранее знать, будет ли он удовлетворен такой постановкой вопроса и согласится ли на этих условиях немедленно вступить в выполнение прежних обязанностей.

— На этих условиях — нет, — отвечал Мэнни. — Я не согласен на предварительное освобождение. Если будет назначен пересмотр, я не буду участвовать в процессе и ограничусь заявлением, что приговор этого трибунала для меня нравственно безразличен.

— Но почему же, наконец, — воскликнул министр юстиции, — почему вы так упорно отклоняете все самые почетные возможности, которые вам предлагаются? Если это протест против несправедливости, то она сделана вам лично, а вы сами совершаете несправедливость по отношению к интересам человечества! Рабочие вас требуют, все общество желает вашего воз-

вращения, для дела оно необходимо, и вы все отвергаете! Чего же вы хотите?

Мэнни с улыбкой сказал:

— Вы меня не совсем поняли. Я отклоняю суд Верховного Трибунала, потому что считаю его первый приговор несправедливым; и, следовательно, с моей точки зрения, второй приговор также ничего не докажет, кроме готовности судей исполнять волю правительства, в чем я и не сомневаюсь. Я хочу пересмотра дела иным, высшим судом — судом человечества. Чтобы сохранить во всей полноте и неприкосновенности право на эту апелляцию, я должен отказаться от всякого компромисса, от всякого явного или замаскированного помилования. Вот почему я останусь здесь до конца. Но я не отказываюсь работать. Я все время следил за делом, разрабатывал его планы и могу руководить им независимо от места, где буду находиться, — как вы, господа министры, руководите республикой, большей частью не покидая своих бюро. Тут есть неудобства и трудности, — я признаю это, — но если вы хотите, чтобы я взялся за дело, то вам надо примириться с ними.

— Вы представляете себе, насколько неловким будет все это время положение правительства? — с горечью сказал премьер.

— Вот уже больше двенадцати лет, как я нахожусь тоже в несколько неловком положении, — возразил Мэнни.

— Мы подчиняемся! — сказал президент.

3. Отец!

Газеты некоторое время волновались по поводу отказа Мэнни от пересмотра дела, но в конце концов общественное мнение успокоилось на том, что он, очевидно, эксцентрик и, как великий человек, имеет пра-

во быть таковым; было написано несколько ученых статей о родстве гениальности с сумасшествием, они много читались и цитировались; а вывод был тот, что теперь общество сделало с своей стороны все возможное и ни в чем упрекнуть себя не может. «Великий человек» относился ко всему этому с великим равнодушием и энергично вел реформу организации Великих Работ.

Из своих старых сотрудников он выбрал десять опытных, надежных людей и разослал их ревизорами по местам. Им были даны полномочия отстранять недобросовестных служащих, не стесняясь их рангом, приостанавливать действие убыточных контрактов и подрядов, разбирать требования рабочих, восстанавливать прежние условия труда и прежние порядки. Каждый ревизор сам должен был подобрать себе помощников и взять их с собою, чтобы в случае надобности заменять ими удаляемых крупных агентов. Ревизоры принялись за дело как нельзя энергичнее, были неподкупны и беспощадны. Газеты «либералов» — прежней партии Фели Рао прозвали их «палачами герцога Мэнни».

Ревизовать и реформировать Центральное Управление работ было задачей особенно важной, но и очень сложной. Мэнни сначала сам думал выполнить ее, но оказалось, что тюрьма значительно стесняла его в этом; а между тем тут нужна была особенная быстрота. Тогда он письмом пригласил к себе автора книги разоблачений.

Когда Нэтти явился, Мэнни, предложив ему сесть, сразу спросил его:

— Вы — социалист?

— Да, — ответил Нэтти.

Мэнни посмотрел на него с большим вниманием. Впечатление получилось благоприятное: ясные лучи

стые глаза, открытое лицо, лоб мыслителя, стройная и сильная фигура... Мэнни пожал плечами и про себя, вполголоса - тюрьма развила в нем такую привычку — произнес:

— Впрочем, Ксарма, великий ученый, тоже был социалистом.

Потом, заметив свою невольную откровенность, он засмеялся и сказал:

— В сущности, это не касается меня. Я хотел, если это возможно, узнать от вас, какими путями вы собрали весь материал своих разоблачений.

Нэтти сжато рассказал о разных связях, которыми он воспользовался, о тех приемах, иногда рискованных и не вполне легальных, которые он применял, чтобы достать документы, о содействии рабочих и их организаций. Мэнни слушал с интересом, расспрашивал подробности. Несколько раз Нэтти приходилось затрагивать важные технические вопросы. Мэнни с удивлением убеждался в огромных специальных знаниях своего молодого собеседника. Особенно его поражало глубокое, отчетливое понимание руководящих идей всех основных планов системы работ. Мало-помалу разговор целиком перешел на эту почву.

Нэтти с большой смелостью предложил ряд крупных изменений в опубликованных раньше проектах. Мэнни принужден был констатировать, что некоторые из этих изменений уже были внесены им в последующей разработке планов и что остальные заслуживают, во всяком случае, обсуждения. Глаза Мэнни сияли; он с трудом скрывал свою радость: он нашел больше, чем искал.

Возвращаясь к прежнему сюжету разговора, он спросил:

— У вас есть, вероятно, еще материалы, кроме тех, которые вошли в вашу книгу?

— Да, — отвечал Нэтти, — и очень много: все то, что давало подозрения и вероятности, но не представлялось вполне доказательным. Если вы желаете, я предоставлю все это в ваше распоряжение.

— Очень хорошо, — сказал Мэнни. — А вы согласитесь взять на себя ревизию всех дел Центрального Управления под моим непосредственным руководством?

Так началась официальная карьера Нэтти.

Работа была колоссальная: приходилось разбираться за двенадцать лет, допрашивать сотни свидетелей, вести борьбу против хитрых и опытных дельцов. Но задача облегчалась энергичной поддержкой со стороны низших служащих: сочувствие их Нэтти быстро завоевал непреклонным противодействием всяким попыткам свалить вину на стрелочника. Благодаря этим союзникам, дело шло сравнительно быстро. Время от времени Нэтти являлся к Мэнни с отчетом. В большой тюремной камере с несколькими столами и полками, с массой книг и бумаг на них происходило короткое совещание. Два человека понимали друг друга с полуслова. В несколько минут подводились итоги, принимались ответственные решения.

Раз Нэтти пришлось делать подробный доклад о «рабочей политике» центрального управления; о способах расхищения заработной платы, о тайных циркулярах, которые предписывали директорам на местах, ввиду усиления союзов, «усилить строгость, чтобы вызвать их на открытые выступления, дающие законный повод к решительным мерам».

Когда Нэтти говорил об этом, он весь как-то изменился от глубоко сдерживаемого негодования: голос его звучал глухо, выражение лица стало суровым, глаза потемнели, между бровей появилась резкая складка. Постороннего зрителя поразило бы в тот момент

его сходство с Мэнни. Когда Нэтти кончил, Мэнни, ходивший из угла в угол, вдруг сказал:

— Странно! Вы мне очень сильно кого-то напоминаете. Но кого? Может быть, я встречал ваших родителей?

Нэтти удивленно взглянул на него.

— Не думаю... Впрочем, своего отца я и сам не знаю: мне никогда не хотели назвать его. Это был какой-то богатый человек с высоким положением; он бросил мою мать, даже не подозревая обо мне. А она — простая работница из Ливии; зовут ее Нэлла.

— Нэлла!

Это имя, как стон, вырвалось у Мэнни. Он побледнел и прислонился к стене. Нэтти быстро спросил:

— Вы ее знаете?

— Я ваш отец, Нэтти!

— Отец?!

В этом слове было только холодное изумление. Лицо молодого человека вновь стало суровым. Мэнни судорожно прижал руки к груди. С минуту продолжалось молчание.

— Отец...

На этот раз в голосе слышалась задумчивость, усилие понять что-то. Выражение Нэтти стало мягче, спокойнее.

— Я не знаю, что думать об этом. Я спрошу у моей матери, — медленно произнес он.

— Я не знаю, что скажет вам Нэлла. Но вот что я могу сказать вам. Когда мы с ней расставались, не было ни одного слова упрека с ее стороны. И когда я был осужден, то раздался один голос протеста, это был ее голос, Нэтти.

Взгляд Нэтти сразу прояснился.

— Это правда. Я был там.

Вновь минута задумчивости. Потом молодой чело-

век поднял голову и сделал шаг по направлению к Мэнни.

— Я знаю, что скажет мама.

Он протянул руку Мэнни, и уже сдержанной лаской прозвучало еще раз повторенное слово:

— Отец!

ЧАСТЬ III

1. Две логики

Никакой внешней близости между двумя инженерами открытие родства не вызвало. Мэнни всегда был замкнут, а долгое одиночество еще усилило наружную его холодность; Нэтти был сдержан с ним из осторожности. Для всех посторонних, с которыми им приходилось работать, они оставались по-прежнему начальником и подчиненным. Новый оттенок взаимного интереса и заботливости, появившийся в их отношениях, был замечен только им самим. Их разговоры стали более продолжительными, но, как и раньше, имели деловой характер. Долгое время оба старательно избегали высказываться по вопросам, в которых чувствовали коренное расхождение своих взглядов.

Работа шла. Реформа центрального управления, вновь превращенного в простое передаточное и справочное бюро, была выполнена уже настолько, что дальнейшее участие Нэтти там не было необходимо, а главное — не давало достаточного поля для его знаний и талантов. Мэнни хотел поручить ему объезды по местам в качестве полномочного высшего контролера. Но тут надо было о многом столкнуться. Это оказалось очень легким в пределах технических вопросов и

даже общих административно-финансовых и совершенно иным, как только дело коснулось условий труда рабочих.

— Я предполагаю, — сказал Мэнни, — что вы захотите внести в эти условия ряд новых улучшений. Я по существу не против и соглашусь, вероятно, на многое, потому что, как показывает опыт, и энергия и качество труда повышаются до известного предела вместе с увеличением платы и сокращением рабочего времени. Но есть одно предварительное требование, которое я ставлю своему полномочному представителю: ни в каком случае он не должен вступать по этим вопросам в официальные сношения с рабочими союзами.

— На это я согласиться не могу, — спокойно ответил Нэтти.

Взгляд Мэнни омрачился.

— Я не совсем вас понимаю. Вы сочувствуете союзам, — это ваше бесспорное право. Они ставят себе целью улучшение условий труда; вы могли бы теперь сами многое для этого сделать. Но вы — должностное лицо и подчинены определенным инструкциям. Узнать потребности и желание рабочих для вас возможно и помимо союзов. Ни вы сами себя и никто другой вас не имел бы основания упрекнуть, что вы достигаете своей цели, не нарушая дисциплины. Ведь у вас нет никакого формального обязательства перед союзами.

— Обязательство — это слово вообще неподходящее там, где дело идет об убеждениях, — сказал Нэтти — Я — социалист и ученик Ксармы. Для меня, как и для него, рабочие организации — действительные представители рабочего класса, и только они одни. Я не просто сочувствую им, я идейно к ним принадлежу, и отречься от них, хотя бы под прикрытием дисциплины, для меня невысказано.

— То, что вы говорите, кажется мне странным. Во всех наших деловых разговорах я привык встречать у вас очень совершенную логику, точную и строгую. Тут она вам как-то изменяет. Вы признаете союзы законными и даже единственными представителями рабочих. Но сама очевидность говорит, что это не так. Материально — союзы заключают не большинство, а меньшинство рабочих. Формально — в договор найма вступают не они, а каждый рабочий в отдельности. Откуда же тут привилегия союзов на представительство? Это — то же самое, как если бы в государстве избирательное право было дано только меньшинству населения, тогда как гражданские обязанности каждый в полной мере несет сам за себя. Разве вы признали бы такое меньшинство законным и единственным представительством народа? Разве вы, социалисты не демократы?

— Вы были бы правы, если бы рабочий класс был случайным и разношерстным собранием безразличных друг для друга людей, каким является современное государство в его законах. Но рабочий класс вовсе не то. В чем основа и сущность жизни работника? В его труде, — не так ли? А в своем труде существует ли он отдельно, сам по себе? Отнюдь нет. Если бы его вырвать из великого сотрудничества миллионов людей и цепи поколений, он сразу превратился бы в ничто. Исчезла бы и самая задача труда и рабочая сила. Те цели, которые теперь ставятся усилиям человека, все таковы, что предполагают уже сотрудничество в гигантских размерах: проводить железную дорогу, канал, строить машину, производить массу пряжи или ткани, добывать горы угля, — какой смысл имело бы все это, если бы дело шло об отдельном работнике без тех, с которыми сообща он выполняет такие колоссальные задачи, и без тех, для кого они выполняются?

А его рабочая сила, — чего она стоит без орудий, без технического знания, без тех жизненных средств, которыми она поддерживается? Орудия сделаны другими работниками, это их прошлый труд, который входит в поток живого труда, бесконечно усиливая его могущество. Знания накоплены жизнью предыдущих поколений, это их трудовой опыт, который стал основным и необходимым орудием всякой работы. Пища, одежда, жилище создаются для работника другими, ему подобными, которых он даже не знает. Отнимите все это, — что от него останется? Как рабочий он существует, он реален только в сотрудничестве, в трудовом единении бесчисленных человеческих личностей, живых и мертвых.

— Очень хорошо. Разделение труда, обмен услуг вещи несомненные, важные. Но они, как показывают факты, вполне возможны и без рабочих организаций. Каким же логическим путем получился ваш вывод?

— Путем различения того, что сознательно и что бессознательно. Назовете ли вы человеком, в действительном смысле этого слова, существо, не сознающее себя самого, своего отношения к другим людям, своего места в природе? Пусть у него есть человеческий образ; но к человечеству оно все-таки еще не будет принадлежать. Так и для меня еще не принадлежит к рабочему классу работник, который не сознает того, что есть его сущность, как работника: своей неразрывной связи с другими, ему подобными, своего места в системе труда, в обществе. Но если он понимает или хотя бы чувствует все это, — он неизбежно объединяется с другими работниками. Если он может и предпочитает жить только сам за себя, жизнью мнимо-отдельной, мнимо-самостоятельной единицы, то он, как работник, существо не сознательное, не член и не представитель своего класса, хотя бы таких, как он, было по-

давлиющее большинство.

— А не софизм ли все это? Рабочий объединен с другими в труде. Прекрасно. Но рабочие союзы как раз таким объединением и не занимаются: оно устраивается помимо них. Занимаются же они, главным образом, условиями найма; а теперь еще начинают заниматься политическими вопросами. Между тем и в договоре найма и в своей роли гражданина рабочий остается сам по себе: для себя лично получает заработную плату, по своим личным убеждениям подает голос на выборах. Где же логическая связь между единством труда и тем значением, которое для вас имеют союзы?

— Эта связь лежит в логике жизни, в логике сознания, которое стремится сделать жизнь цельной и стройной. Единство труда, которое дается работникам извне, которое для них устраивается другими, есть еще только механическое, бессознательное единство, вроде того, которое связывает части сложной машины. С пластинками и винтиками машины не считаются, — их только считают. Таково отношение господствующих классов к рабочим; оно законно и справедливо, пока рабочий живет сам за себя и для себя; ибо тогда он бессилен. Сила человека — в его последовательности и верности себе, в соответствии всех сторон его жизни: его труда, его мысли, его отношений к другим людям. Если работник в труде составляет одно со всеми работниками, а в отношениях к нанимателям и государству, в остальной практике жизни и в мышлении отделяет себя от них, то у него нет единого принципа, нет сознания своей сущности, нет сознания самой действительности. Ибо вовсе неверно, будто он сам за себя имеет дело с нанимателем, сам себя определяет в политике. Условия труда, которые будут ему поставлены и которые он должен будет принять, за-

висят всецело от того, больше или меньше других работников конкурирует с ним и каковы они по своему уровню привычек, по интеллигентности и по энергии в борьбе за свои интересы. В политике, где борются коллективные силы, создавая сложнейшие соотношения, он не может разобраться индивидуально; и если он не сделает этого в единении с другими работниками, то он — игрушка случайной агитации, лживых обещаний, мелких и нередко враждебных его интересам влияний. Он — материал для воздействий, орудие для чужих целей, а не сознательное существо.

— И все-таки из этого никак не получается, чтобы союзное меньшинство было законным представителем внесоюзного большинства!

— Я и не говорил этого. Сознательное меньшинство представитель не бессознательного большинства, а *целого*, представитель класса. Так и человек вообще — не представитель *остальных* организмов нашей планеты, но он в полной мере представитель *жизни* на ней, потому что в нем эта жизнь пришла к сознанию себя.

— Я пробую сейчас применить ваши соображения к себе, — насмешливо заметил Мэнни, — и вывод получается для меня самый печальный. Я, несомненно, ничего не мог бы сделать без тех миллионов работников, руками которых выполняются мои планы. Но у меня нет ни малейшего желания объединяться с ними, скорее, наоборот, — я склонен противопоставлять себя им. Следовательно, я — как нельзя более бессознательное существо. Это лестно!

Нэтти засмеялся.

— Вы обладаете *иным* сознанием, и в своем роде очень совершенным. Это — сознание того класса, который предшествовал пролетариату, который проложил ему путь и продолжает по-своему, правда, без осо-

бенной мягкости, воспитывать его. Тот класс шел вперед через борьбу человека с человеком, через войну всех против всех; и он не мог иначе: историческая задача состояла в том, чтобы создать человеческую *личность*, существо активное и полное веры в себя, чтобы выделить ее из человеческого стада феодальной эпохи. Но это сделано; и в рабочем классе воплощается уже другая задача. Дело идет о том, чтобы собрать эти активные атомы, связать их высшей связью, их стихийно-противоречивое сотрудничество сделать гармонически стройным, слить их в едином разумном организме человечества. Таков смысл нового сознания, начало которого — в рабочих организациях.

— Берегитесь, вы впадаете в опасную метафизику. Для вас эти классы, это будущее человечество уже стали настоящими живыми существами, с особой, фантастической жизнью...

— Почему фантастической? Она реальна, она гораздо шире и сложнее, чем простая груда личных жизней, чем хаос разрозненных сознаний. А понятие о живом существе изменяется, оно различно в разные эпохи. Если бы нашим предкам, даже самым ученым, несколько сот лет назад сказали, что человек есть колония из 50 — 100 триллионов неуловимо малых живых существ, разве это не показалось бы самой странной метафизикой?

— И в такие существа, подобные клеткам, вы хотите, по-видимому, превратить человеческие личности?

— Нет, этого мы не хотим. Клетки организма не знают того целого, к которому принадлежат; скорее с ними сходен поэтому современный тип личности. Мы же стремимся именно к тому, чтобы человек вполне сознал себя как элемент великого трудового целого.

Мэнни встал и несколько минут молча ходил по комнате; затем остановился и сказал:

— Очевидно, что такое обсуждение ни к чему нас не приведет. Как же нам поступить? Согласитесь ли вы разделить полномочия с другим помощником так, чтобы вам принадлежал весь технический контроль, а ему — административный?

Он несколько тревожно взглянул на собеседника.

— Очень охотно, — отвечал тот, — это всего удобнее.

— Благодарю вас, — произнес Мэнни. — Я опасался отказа.

— Напрасно, — возразил Нэтти. — Административные полномочия поставили бы меня в трудное, скользкое положение. Быть официальным представителем одной стороны и по всем симпатиям, по всем интересам принадлежать к другой стороне, это такая двойственность, при которой нелегко, может быть, даже невозможно сохранить равновесие. Быть верным себе, удержать ясную цельность сознания — для этого надо избегать противоречивых ролей.

Мэнни задумался и после короткого молчания сказал:

— Вы последовательны в вашей своеобразной логике; этого за вами отрицать нельзя.

2. Арри

Вернувшись домой, Нэтти, по своему обыкновению, рассказал весь разговор Нэлле. У нее в это время был Арри, Когда Нэтти ушел на несколько минут, вызванный по делу, оставшиеся обменялись серьезным взглядом.

— То, что он говорит, очень важно, — сказал Арри. — Это конечно только начало; дальше будет больше. Надо подумать и обсудить.

— Да, — ответила Нэлла. — Приходи ко мне завтра утром, его в это время не будет дома.

На другой день Арри пришел измученный и мрачный. Он как будто постарел за ночь, но глаза его сверкали странным блеском.

— Я много думал, Нэлла. Это были невеселые мысли, но в том, к чему они меня привели, я уверен вполне. Мэнни и Нэтти — враги по самой природе; сейчас они оба рады уклониться от борьбы, но это не надолго. Как бы они ни старались, жизнь их столкнет, и столкнет жестоко. Они очень любят и глубоко уважают Друг друга, от этого еще мучительнее будет конфликт. Первая большая стачка на работах, — и удержать мир невозможно, а если не то, так другое. Сами собой вокруг них соберутся враждебные силы и вынудят их на борьбу, которой они не хотят. Я вижу, тебе больно слышать все это, но ведь это правда, Нэлла!

— Это правда, — тихо сказала она. — Я сама думала то же.

— А каков будет исход, Нэлла? Около Мэнни сплотятся все силы прошлого, лучшие и худшие; около Нэтти — только зарождающиеся силы будущего. Старый орел окажется сильнее нашего юного сокола и помешает ему свободно развернуть крылья. Если Нэтти и не погибнет в этой борьбе, то его жизнь, его энергия буду! подорваны, а наше великое дело потерпит тяжелый урон. Надо не допустить этого, Нэлла!

— Но как? и возможно ли? — спросила она.— Я много искала, я не нахожу способа.

— Способ один, Нэлла: Мэнни должен уступить, уйти с поля. Надо заставить его отойти в сторону. Это кажется немислимо. Но есть одна возможность, ее необходимо испытать...

Он остановился, опустив голову, как будто собираясь с силами. Нэлла, взволнованная, быстро подошла к нему и схватила его за руки.

— Какая возможность? Скажи! Ты не решаешься? Это что-то очень тяжелое... Но говори же!

— Нэлла, это, правда, тяжело. Но — слушай меня внимательно. Я думаю, что есть сила, которая может победить Мэнни, свернуть его с пути. Это — любовь. И есть человек, способный вызвать эту силу: ты, Нэлла!

Она выпустила его руки и сделала шаг назад.

— Что ты говоришь, Арри!

— Я говорю вполне обдуманно, и ты можешь мне верить, Нэлла: ты знаешь, что мое чувство к тебе никогда не было просто братским, и только глубокое убеждение, что иначе нельзя, заставляет меня предлагать тебе то, в чем я вижу последнюю возможность... Ты и теперь красавица, Нэлла: время бессильно над тобою. Ты сохранила свой чудный голос, который непреодолимо проникает в сердце. Ты поразишь Мэнни, когда он увидит тебя... Ты для него — поэзия прошлого и еще больше: мать и вдохновительница Нэтти в его борьбе, которая возвратила Мэнни работу и власть. Этот человек не знал настоящей любви в своей молодости и много лет провел в одиночестве... Когда он полюбит, это будет сильнее его...

Глухо и прерывисто звучал голос Арри. Нэлла села, склонила голову и закрыла лицо руками.

— Я не знаю, возможно ли это. Но это унижительно, Арри!

— Ты — мать. Для матери все возможно и ничто не унижительно.

Она подняла голову.

— Я не очень верю. И... надо подождать, Арри. Я предчувствую, что тут будет что-то новое; чего мы не предвидим,

В это же самое время Мэнни один нервно ходил из угла в угол. Он ожидал Нэтти, чтобы дать ему послед-

ние инструкции перед поездкой; он испытывал странное волнение и, сам не замечая, думал вслух:

«...Я не увижу его несколько месяцев... Как я к нему привязался... У меня сжимается сердце... Ребяческая сентиментальность!.. Мне будет не хватать его, и будет темнее... У него лучистые глаза. Это — глаза Нэллы...»

Он остановился и глубоко задумался.

Послышались шаги в коридоре, стук в дверь. Вошел Нэтти. Начался деловой разговор. Когда они обо всем условились и Нэтти собрался уходить, Мэнни, после секунды колебания, остановил его.

— Я хотел спросить вас о другом. У вас есть портрет Нэллы?

— Есть, и со мной. Я взял его, потому что уезжаю вечером. Вот он.

Мэнни с изумлением смотрел на портрет.

— Это — последний? — спросил он.

— Да, он снят совсем недавно.

И, немного подумавши, Нэтти прибавил:

— Если хотите, я оставлю его вам. У меня есть другой.

3. Глубже и глубже

Поездка Нэтти вышла продолжительнее, чем предполагалась. Он уехал в начале осени, а вернулся уже весной — через год по земному счету. Ошибки и беспорядок, внесенные в технику работ за эпоху управления хищников, оказалось не так легко исправить, как думали сначала новые руководители. Хотя Нэтти за время путешествия присылал точные, сжатые доклады о том, что он нашел на местах и что предпринял, но ему пришлось дать еще подробный словесный отчет, который занял у них с Мэнни не один день. Эти долгие беседы часто отклонялись от чисто деловых вопросов,

превращались в обмен мыслями, оценками, отдаленными планами. Разлука словно сблизила отца с сыном, ослабив их взаимную сдержанность; так нередко бывает между натурами, обладающими действительным внутренним родством.

В конце своей поездки Нэтти присутствовал, как представитель Управления работ, на торжественном открытии только что оконченного канала Амброзия. Впечатления были еще ярки в памяти молодого инженера, когда он рассказывал об этом Мэнни.

— Мне хотелось бы быть поэтом, чтобы передать вам все, что я пережил в тот день. Я стоял вместе с другими инженерами, на высоте дуги моста, перекинутого через канал над его шлюзами. По одну сторону уходило в бесконечность стальное зеркало Южного океана, по другую темнело внизу, направляясь через равнину к горизонту, сначала широкой, потом все более узкой полосой уже готовое русло еще не рожденной гигантской реки. Сотни тысяч народа, в праздничных нарядах и с возбужденными лицами, волнами разливались по набережным; а дальше в обе стороны раскидывались красивые здания и сады города, которого не было пятнадцать лет тому назад; и еще дальше — лес кораблей в двух внутренних бассейнах, куда они скрылись от опасности погибнуть в первом порыве вод по новому пути. С золотыми лучами солнца среди прозрачного воздуха переплелись радость и ожидание, все окутывая и все соединяя невидимой эфирно-нежной тканью. На одно мгновение эта ткань как будто разорвалась: отряд войск серой лентой, с холодным блеском и резким звяканьем оружия, разделил пеструю толпу; кровавые и черные воспоминания нахлынули массой, угрожая затопить красоту минуты. Но серая змея была на этот раз безопасна, тяжелые

призраки прошлого расплылись туманом и исчезли перед сияющей действительностью...

Раздался сигнальный выстрел, и моя рука прижала рычаг электрического механизма шлюзов. Мне показалось, что все замерло в неподвижности... но это была, конечно, иллюзия. На спокойной поверхности моря вдруг образовалась долина, которая резко углублялась к мосту. Все прежние звуки сразу потонули в гуле и шуме оглушающего водопада. Затем шум понизился настолько, что среди него всплыли восторженные клики тысяч людей. Мутная масса воды, клубясь и пенясь, со страшной быстротой неслась к северу по руслу канала. Великое событие совершилось: начало новому расцвету жизни было положено. Какое торжество объединенных человеческих усилий, всепобеждающего труда!

— Странно! — задумчиво заметил Мэнни. — Как своеобразно все переводится в вашей голове... Там, где, мне кажется, сама очевидность говорит о торжестве *идеи*, вы видите торжество *труда*.

— Но это одно и то же, — сказал Нэтти.

— Не понимаю, — все с той же задумчивостью, как будто размышляя вслух, продолжал Мэнни. — Я думаю, что знаю, что такое идея, и что такое усилие, труд. Я уже не говорю о том объединенном труде человеческой массы, который для вас каким-то образом заслоняет все, а для меня — просто механическая сила, с удобством и с пользой заменяемая работой машин. Но даже интеллектуальный труд сознательной личности... Я всегда служил идее и всегда господствовал над своим усилием. Оно — лишь средство, она высшая цель. Идея больше, чем сами люди и все, что им принадлежит; она не зависит от них, они подчиняются ей. Для меня это несомненно, как то, что я в полной мере испытал. Несколько раз в моей жизни мне случилось

овладеть идеей, раскрыть истину ценою напряженной и долгой работы, мучительной борьбы с тайною... И когда наступал этот момент, все пережитое сразу исчезало перед сияющим величием найденного; и даже сам я как будто переставал существовать. За покрывалом, сорванным моей мыслью и волей, выступало то великое, необходимое, чего не в силах было бы изменить все человечество, хотя бы оно объединило для того всю свою энергию: разве оно может сделать так, чтобы эта идея перестала быть истиной? И если оно не захочет признать ее, если откажется следовать ей, она ли пострадает от того? Пусть даже исчезнет человечество — истина останется тем, что она есть. Нет, не надо унижать идею! Нужны усилия, чтобы отыскать путь к ней, нужен часто грубый труд, чтобы осуществить ее веление. Но эти *средства* бесконечно далеки от ее высшей природы.

— Я тоже вовсе не хочу унижать идею. Я только иначе понимаю ее природу, ее отношение к труду. Вы правы, что идея выше отдельного человека, что она ему не принадлежит, что она господствует над ним. Но посмотрите, вы не сказали, в чем же состоит ее высшее существо, а ведь тут и должно лежать решение вопроса.

— Не совсем понимаю, чего вы требуете. Высшая сущность идеи заключается в ее логической природе; разве это не ясно для всякого, кто живет идейной жизнью? Или вам этого недостаточно, и вы хотите чего-то другого, большего?

— Да, этого недостаточно, потому что это — мнимый ответ. Существо идеи логическое, это все равно что сказать - идея есть нечто идеальное, или просто - идея есть идея. Об ее природе после этого ответа человек знает ровно столько же, сколько и до него. В науке вы не удовлетворились бы этим; там для вас

мало знать, что воздух есть воздух и вода есть вода; вы потребуете их анализа.

— Не думаю, чтобы ваше сравнение было правильно. Но, во всяком случае, если бы было возможно произвести физический и химический анализ природы идей, подобный исследованию воздуха или воды, я первый был бы рад этому. Но не мечта ли это?

— Не настолько, как вам должно казаться. Не химический, конечно, а жизненный анализ природы идей вполне возможен. Ксарма начал его, но не закончил, и остался непонятым. Я продолжал дело...

— И вам удалось?

— Я думаю, что да.

— Расскажите тогда ваши выводы... если надеетесь, что я пойму вас. Не примите эту оговорку за иронию; я просто убедился, что в некоторых вещах у нас как будто разная логика. Я не предрешаю вопроса, которая правильна...

— Хорошо. Но тогда вам надо на время покинуть логическое царство отвлеченности и взять идею в самой жизни. Вот наши предки тысячу лет боролись за идею свободы. Это, без сомнения, одна из величайших идей человечества. Когда я читал историю и старался проникнуть в душу тех далеких поколений, для меня стало ясно, из чего возникла и выросла идея свободы. Миллионы людей жили в рамках, которые становились для них все более тесными. На каждом шагу их труд, их усилия, их стремление развернуться, зарождавшаяся в их головах творческая работа наталкивались на какую-то стену, встречали подавлявшее их сопротивление и замирали в бессилии, затем возобновлялись, чтобы испытать ту же судьбу. Так погибали бесплодно мириады человеческих усилий в их разрозненности; была боль, но не было идеи. Из боли рождались новые усилия, такие же смутные, но более

напряженные и еще более многочисленные. Мало-помалу они начали соединяться и приобретать общее направление, сливаясь, они образовывали все более могучий поток, устремлявшийся против старых преград. Это и была *идея* свободы: единство человеческих усилий в жизненной борьбе. Было найдено слово «свобода»; само по себе оно было бы не лучше и не хуже других слов; но оно стало знаменем объединенных усилий; так в прежние времена для армий обыкновенные куски материи служили выражением единства боевых сил. Отнимите слово «свобода» — останется поток усилий, но не будет сознаваться его общее направление, его единство. Отнимите эти усилия — от идеи ничего не останется. И такова же всякая другая идея. Чем грандиознее поток объединенных усилий, тем величественнее, тем выше идея, тем слабее и ничтожнее перед нею отдельный человек, тем для него естественнее служить, подчиняться ей. Пусть люди сами не сознавали, почему для них радостно было бороться и даже умирать за идею свободы, их чувство было яснее и глубже их мысли, для человека нет большего счастья, как быть живой частицей могучего, всепобеждающего порыва. Таким порывом человечества была идея свободы.

— Значит, если бы не было деспотизма, гнета, произвола, то не было бы идеи свободы, потому что не было бы объединения усилий, чтобы преодолеть их?

— Конечно, да. В ней не могло бы быть живого смысла, какая же это была бы идея?

— Я не стану спорить с вами, я хочу только полнее понять вас. Идея свободы в истории была боевой, возможно, что она выросла в массах. Но применим ли наш вывод к другим идеям, которые не таковы? Мне кажется, что именно этот выбранный вами пример при-

вел вас к вашему выводу, а если бы вы взяли не его, то получилось бы иное.

— Что же, возьмем другой. Вот самая близкая для вас идея — план Великих работ. В ней заключено гораздо больше, чем это кажется без исследования вам самому, ее автору. Уже не раз в прошлом человечеству становилось тесно на поверхности нашей планеты, даже в те времена, когда оно было очень малочисленно, но не умело брать у природы всего того, что берет-ся теперь, за последние века все труднее становилось преодолеть эту тесноту. Труд человечества, стремясь расширить свое поле, постоянно разбивался о границы великих пустынь. Там бесчисленные возникавшие усилия подавлялись суровой властью стихий, оставляя за собой неудовлетворенность и мечту, а мечта — это не что иное, как усилие, побежденное в действительности и ушедшее от нее в область фантазии. Но были и не бесплодные попытки: местами труду удавалось отвоевать клочки пустыни, проводя воду туда, где ее не было. Были и другие попытки: неудовлетворенное усилие не превращалось в простую мечту, а принимало, переходя от людей труда к людям знания, новую форму стремления исследовать. Отважные путешественники проходили пустыни из конца в конец, измеряли и описывали их, без счета растрчивали свою энергию; возвращаясь, они приносили с собою то, что казалось практически бесполезным, чистым знанием о мертвых навеки песках и равнинах, но что было на самом деле кристаллизированным усилием пионеров-разведчиков для будущей войны с царством Безжизненного. Чем дальше, тем больше умножались попытки, напряженнее становились стремления, полнее и точнее исследования... Сдавленная активность веков искала выхода. И вот нашелся человек с душой достаточно широкой и глубокой, чтобы бессознатель-

но объединить и слить в ней все эти различные элементы усилий человечества; со смелостью прежней мечты охватить трудовую задачу во всем ее гигантском объеме, внести в ее решение всю накопленную прошлыми исследованиями энергию знания, применить к ней все приемы, выработанные научной техникой эпохи машин. Тогда из разрозненных прежде элементов получилось живое, стройное целое и оно было — идея Великих работ. Ее концентрированная сила смогла объединить вокруг нее новую массу труда, работу миллионов исполнителей. Так совершилось то, к чему охваченные стремились многие и многие поколения.

— Яркая, но странная картина, — задумчиво заметил Мэнни.

— Это верная картина, не сомневайтесь в этом, — продолжал Нэтти. — Вы, вероятно, не знаете, что триста лет тому назад один, давно забытый теперь, утопист во времена долгого и тяжелого кризиса земледелия изобразил в виде пророческой социальной мечты нечто очень близкое к вашему плану. Мне указал на эту книгу молодой историк, изучавший ту эпоху. Утопия выражает стремления, которые не могут реализоваться, усилия, которые ниже сопротивлений. Теперь они выросли и стали планомерным трудом, преодолевающим те сопротивления; для этого им надо было слиться в единстве идеи. Вот почему для меня торжество объединенного труда и торжество идеи — одно и то же. Я мог бы даже сказать — ваше торжество, и это не было бы неверно: вы не открыли, не нашли свою идею, как это вам кажется; вы создали ее из того, что еще не было идеей. Человек — творческое существо, Мэнни.

— Человек ли? Это, скорее, какой-то резервуар общих усилий, — шутливо возразил Мэнни, чтобы скрыть невольное волнение, которое в нем вызывала

такая оценка в устах всегда сдержанного с ним Нэтти.

Тот понял это и не ответил на шутку. Наступило короткое молчание, которое вновь прервал Мэнни.

— То, что вы говорите, если бы и было верно, могло бы относиться только к практическим идеям. Но ведь есть и чисто теоретические, созерцательные идеи, хотя бы в математике, в логике. С ними ваш анализ вряд ли удался бы.

— Нет идей чисто теоретических. Те, которые ими кажутся, только общее и шире других. Разве не на математике построена вся организация работы в инженерном деле и даже вообще в машинном производстве? Разве ваши планы и их осуществление были бы возможны без сотен тысяч математических вычислений? А что касается логики, то весь ее жизненный смысл именно в том, чтобы дать людям возможность сталкиваться между собою, то есть объединять с успехом свои усилия в труде или в исследовании.

— Затем, если всякая идея сводится к объединению усилий, то где же разница между истиной и заблуждением?

— Эта разница в их результатах. Объединение усилий может быть таким, что оно ведет к достижению их цели, тогда оно — истина, и оно может быть таким, что ведет к их растрате, крушению; тогда оно — заблуждение. Идея свободы была истиной потому, что вела человечество к победе, к расцвету жизни, которая есть конечная цель всякого труда. Математические формулы — истины потому, что дают надежное оружие успеха в борьбе со стихиями. Заблуждение само себя опровергает, приводя усилия к неудаче.

— Ну а если цель вполне достигнута, что же тогда дальше с истиной? Усилиям, которые ею объединялись, приходит конец...

— И ей тоже. Человечество идет дальше, ставит

новые цели, а она умирает. Когда окончательно исчезнут преступления, — умрет идея правосудия. Когда жизнь и развитие людей совершенно не будут стеснены никаким гнетом, тогда отживет идея свободы. Они рождаются и борются за свою жизнь и погибают. Часто одна убивает другую, как свобода убивает авторитет, научная мысль — религиозную, новая теория старую.

— Триста лет тому назад великий ученый установил вечность материи. Это была истина и одна из величайших. Человеческая активность, чтобы овладеть веществом, подчинить его себе, отыскивает его всюду, где оно исчезает из глаз, прослеживает его во всех превращениях: таков смысл этой идеи, давшей бесчисленные плоды во всех областях труда и познания. А теперь, вы знаете, выступает все настойчивее новая идея, — что материя разрушается и, значит, когда-нибудь возникла или возникает. Когда эта истина созреет, она будет выражать высшую ступень власти труда над веществом, господство над самой внутренней жизнью материи. Тогда умрет старая идея, сделавши свое дело. И то же будет со всякой другой, потому что человечество не остановится на своем пути.

Мэнни с закрытыми глазами откинулся на спинку стула. Несколько минут он думал так. Затем он сказал:

— Я знаю, что вы больше меня изучали то, о чем говорите, и для меня несомненно, что у вас хорошая, светлая голова. Все ваши слова просты, ясны; но все-таки ваши мысли мне странны и непонятны. Меня словно отделяет от них какая-то темная завеса... Momentами, только моментами, эта завеса как будто рывается, и мне кажется, что я вижу через нее отблеск далекой истины. Но затем все погружается снова в тот же мрак. Бывают другие мгновения, когда во мне вспыхивает враждебное чувство, точно вы хотите раз-

рушить что-то священное для меня, самое дорогое, но быстро является сознание несправедливости этого чувства. В общем, ваши взгляды представляются мне какой-то поэзией труда, которой вы хотите дополнить или, может быть, даже заменить строгую науку. На это я, конечно, никогда согласиться не могу. Но у меня нет желания спорить; я понимаю, что это было бы бесплодно. У вас на все будет ответ, но неубедительный для меня, потому что основанный на чуждой мне логике. И в то же время мне глубоко интересно все, что касается ваших мыслей и вашей жизни... Расскажите мне о своем детстве, Нэтти.

4. Враги и союзники

Некоторое время позиция Мэнни казалась недоступною никакой атаке. После разоблачения врагов и гибели их, по-своему гениального, руководителя, призванный ко власти по требованию самих рабочих и общественного мнения, утвержденный в своих правах единогласным постановлением парламента, он, при поддержке старых сотрудников и Нэтти, в короткое время достиг необыкновенных успехов. Гигантское дело, приходившее в упадок, было восстановлено и шло, как по рельсам; часть расхищенного при Фели Рао — несколько миллиардов — была уже возвращена путем судебных конфискации; продолжавшийся ряд расследований и судебных процессов должен был вернуть еще значительную долю остального; создавался, таким образом, колоссальный фонд для расширения и развития работ. Но, несмотря на все это, в общественной атмосфере было что-то странное, неопределенно гнетущее. Это было особенно заметно на широкой, демократической прессе. Когда-то раньше, в эпоху первых успехов Мэнни, она восторженно приветствовала и горячо комментировала каждую его победу;

теперь в ней господствовал словно общий заговор молчания. Газеты сообщали — и то лишь в пределах необходимого — о событиях, касавшихся Великих Работ и их организации, но систематически воздерживались от оценок и даже от пояснений; они предпочитали заниматься другими вещами. И это отнюдь не было результатом только подкупа со стороны старых финансистов и вообще их влияния: нет, «общественное мнение» было на самом деле недовольно. Оно не имело поводов порицать новый ход вещей, но не чувствовало ни малейшей склонности одобрять его виновников и руководителей. Были тому серьезные причины.

Во-первых, «общество» — это слово обозначало тогда высшие и средние классы, вместе взятые — не могло примириться с ролью рабочих в происшедшем перевороте. Не только они взяли на себя его инициативу, — это можно еще допустить, когда дело идет о достаточно опасной борьбе, угрожающей при случае перейти в кровопролитие; но и потом, когда опасность уже миновала, ни на минуту они не захотели подчиниться руководству старых, серьезных партий, а, наоборот, навязали им свои требования и заставили выполнить их в полном объеме. Это было нечто новое в развитии рабочего класса, который до тех пор экономически еще иногда умел отстаивать себя, но политически был все время самым удобным и покорным объектом эксплуатации.

Во-вторых, было нечто непонятное, тревожное как в упорном отказе Мэнни от пересмотра его процесса или амнистии, так и в его союзе с заведомо крайним революционером Нэтти. Первое имело вид нравственной пощечины всеми уважаемым учреждениям, второе представлялось угрозой для будущего. Какие еще неожиданности могли возникнуть из этой загадочной комбинации, трудно было вообразить; но тем сильнее

беспокоила она общественное мнение.

Затем, настойчивое беспощадное преследование всех тех, кто участвовал в бюджетных операциях Фели Рао и компании, ряд конфискации их имущества производили неблагоприятное впечатление на серьезную публику; она находила, что это чрезмерно. Наиболее виновные уже пострадали; можно было бы тем и удовлетвориться, не обрушивая всей тяжести репрессий на менее виновных. Большинство их были люди уважаемые, солидные деятели промышленности и торговли: в коммерческих делах не всегда так легко и просто уловить рамки формальной законности. В таких суждениях сказывалось и влияние бесчисленных мелких связей, которые соединяют членов «общества» в их обыденной жизни, и естественная снисходительность к проступкам, мотив которых — жажда присвоения — так всем им близок и понятен. Кроме того, крушение прежних тузов каждый раз затрагивало интересы очень многих, имевших с ними дела; самоубийство Фели Рао вызвало даже чуть не целый кризис на бирже. «Общество», как и его законная представительница — биржа, — ценит спокойствие, уверенность в завтрашнем дне выше таких отвлеченностей, как правосудие или интересы общего дела. В Мэнни и во всем его окружавшем видели нечто протестующее, беспокойное, нечто неизвестное и грозное по своей силе. В сравнении с этим все преступления другой стороны стусевывались.

Однако старые, заведомые враги Мэнни не решались начать нападения: в их игре руководящие интересы были бы чересчур грубо-очевидны, их репутация была слишком попорчена, им приходилось молчать, чтобы не повредить делу. Подать сигнал к атаке мог только кто-нибудь авторитетный и незапятнанный, стоящий выше подозрений. Долго такого не находи-

лось...

Мэнни, поглощенный работой, новыми впечатлениями, воспоминаниями, не замечал, как атмосфера становилась все напряженнее. Однако не он один, а очень многие были поражены, когда с боевой статьей против него в самом распространенном органе выступил Тэо. Старый демократ, всеми уважаемый публицист, Тэо в свое время был одним из немногих, решившихся бороться против Совета Синдикатов после его победы и даже открыто называть «делом лакеев» приговор в процессе Мэнни. Тем больше сенсации произвел его новый шаг. Статья была озаглавлена «Пора подумать!» и имела форму предостережения, обращенного к обществу и партиям.

«Все ли благополучно в нашей Республике?» — спрашивал он и отвечал, что нет: демократия малопомалу изменяет себе, ее принципы открыто подкапываются, и она терпит это, готовится худшая реакция.

Допустима ли в демократии диктаторская власть одного человека над миллионами людей и над миллиардами общественных денег? Двадцать лет тому назад, при утверждении плана Великих работ, такие полномочия были созданы для их инициатора. Это была огромная ошибка. Она была прощительна вначале, пока не обнаружились ее последствия. Но с тех пор мы пережили эпопею Фели Рао. Что, в сущности, сделал Рао? Он перехватил власть у Мэнни и воспользовался ею по-своему. Все знают, что из этого получилось... Демократия низвергла Фели Рао. А затем? Та же диктатура во всей неприкосновенности возвращена в руки Мэнни. Значит, ничему не научились?

Нам скажут: Мэнни — не финансист и не политикан, а честный инженер; на него можно положиться, для себя ему ничего не надо, он служит только делу.

Так ли это? Демократия не должна, не имеет права полагаться на отдельного человека; ее принцип — большинство. Если бы даже Мэнни был действительно таков, каким его представляют наивные люди, ослепленные величиим его заслуг, которых мы вовсе не желаем умалить, — и тогда нарушение принципа демократии оставалось бы угрозой ее будущему. На самом деле опасность гораздо ближе.

Инженеру Мэнни для себя лично ничего не надо. А зачем же ему, в таком случае, диктатура? Или он взял ее не себе лично?..

Скажут: надо судить о людях, об их намерениях по их действиям. Прекрасно. Рассмотрим действия инженера Мэнни по отношению к демократии.

Общество, народ требовали пересмотра его процесса. Он отвергает пересмотр. Разве это — не презрение к народной воле и к республиканским учреждениям? Он имел право не уважать своих прежних судей, которые были орудием финансовой камарильи. Но не уважать самое правосудие республики — кто дал ему право на это? И что хочет он такой демонстрацией внушить народным массам? Без серьезной практической цели человек дела не откажется от нескольких лет свободы. Для какой цели нужен ему во что бы ни стало ореол мученика?

Всем известно прежнее отношение Мэнни к рабочим организациям: оно было не демократично. Внешним образом он даже и теперь еще не отказался от него. Но посмотрите, какое противоречие! Возле инженера Мэнни в роли его ближайшего помощника мы находим — кого же? Если не явного вождя рабочих союзов, то, несомненно, их политического вдохновителя, социалиста Нэтти. Как вы думаете, что это значит?

Заметьте: рабочие союзы за последнее время обна-

руживают какое-то непонятное, беспричинное недоверие к нашей демократической партии, которая всегда защищала их интересы. Рабочие федерации не желают ограничиваться своими профессиональными интересами и создают свои особые политические комитеты. На наших глазах от демократии откалывается новая рабочая партия. Это опасное, может быть гибельное, для демократии распадение массовых ее сил происходит под прямым влиянием, вернее — под руководством целой школы революционных политиков, во главе которой стоят: Нэтти и его отец, механик Арри.

Все это — непреложные факты. Зная их, неужели трудно догадаться, для чего нужен противоестественный союз инженера-диктатора с социалистами? Фели Рао опирался на синдикаты; Мэнни хочет опереться на рабочие организации. Фели Рао довольствовался финансовым господством и наживою; он не покушался и не мог покушаться на республиканские формы: у него была сила денег, но не было силы масс. Будет ли так же скромен Мэнни, имея за собою рабочие массы? Он равнодушен к деньгам, это несомненно. *Значит, ему нужно другое.*

Хотите знать, зачем инженер Мэнни скрывается теперь за стенами тюрьмы? Чтобы отвести от себя всякие подозрения до тех пор, пока его друзья на свободе достаточно подготовят политическую мобилизацию гигантской армии рабочих.

Я утверждаю: союз инженерской диктатуры с социализмом рабочих может быть направлен только *против демократии, против республики* и никакого иного смысла иметь не может».

Статья оканчивалась горячим призывом к парламенту, правительству и всем верным республиканцам немедленно начать борьбу против угрожающей опас-

ности, иначе она станет неотвратимой.

Статья появилась за несколько дней до начала очередной сессии парламента. Как всегда, сессия была открыта посланием президента республики. Кроме обычных официальных фраз и перечисления заранее намеченных правительством законопроектов, послание на этот раз заключало в себе нечто неожиданное:

«...Хотя, — говорилось в нем, — пережитые не так давно республикою потрясения окончились победою благомыслящих элементов и восстановлением согласного народной воле порядка, но следы их не вполне изгладились до сих пор. За эти два года меч правосудия неустанно разил виновных в нарушении интересов государства, и нанесенный ими ущерб до значительной степени был восполнен многими конфискациями. Теперь на рассмотрение парламента, мы полагаем, мог бы быть поставлен вопрос, не достаточно ли удовлетворены общественная совесть и государственный интерес, — не ощущается ли усиленной потребности в полном успокоении, в окончательном восстановлении временно поколебленного социального мира. Если бы парламента признал, что это так, то наступило бы время для мер снисходительности и забвения...»

Дальше следовали оговорки о том, что президент и правительство не связывают себя в данном вопросе никакой предрешенной программой, что одному парламента принадлежит право дать оценку положения и т.д.; но по существу послание предлагало амнистию и прекращение конфискаций.

Это был первый удар, направленный против Мэнни со стороны официально политических кругов, но удар очень серьезный.

Нэтти в то время не было в столице: он находился в поездке как раз по делам следствия в связи с рас-

крытием новых важных фактов. Мэнни, который уже привык не предпринимать ничего важного без совета с ним, экстренно вызвал его обратно.

План действий был установлен быстро. Мэнни должен был ответить на послание президента печатным докладом парламенту о ходе расследований и судебных процессов по делу Великих Работ. Для доклада Нэтти дал цифровые расчеты, из которых было очевидно, что пока удалось возратить меньше половины расхищенного, и ряд очень важных разоблачений. Новые факты, добытые Нэтти и другими ревизорами, касались не только старых преступлений, но еще больше последующей борьбы преступников за сохранение позиций и добычи. Был совершен ряд подлогов, чтобы скрыть имущества от конфискации: крупные финансовые тузы вдруг оказывались бедными людьми. Миллионные подкупы следственных и судебных властей повели к уничтожению важных обвинительных документов. Еще шире применялся подкуп свидетелей, но были и случаи убийства несговорчивых. В общем, доклад неминуемо должен был испортить примирительное настроение парламента и надолго замедлить амнистию. До освобождения Мэнни оставалось всего несколько месяцев; было особенно важно выиграть это время.

На атаку Тэо, которую тем временем уже подхватили и поддержали несколько крупных газет, Мэнни отвечать не мог: оправдываться против таких обвинений было ему не к лицу. Но крупные союзы столицы уже ответили негодующими заявлениями, Нэтти не сомневался, что провинциальные организации, особенно Федерация Великих Работ, ответят в свою очередь. Рабочие протестовали против того, что демократическая партия, под предлогом невозможного монархистско-пролетарского заговора, покушается, в сущно-

сти, на их зарождающееся политическое объединение. Рабочие указывали, что если официальные демократы и «защищали» их интересы, то делали это слишком плохо и неуспешно. «Разве они избавили рабочий класс от жестокой диктатуры Совета синдикатов?» — спрашивала столичная федерация механиков, и отвечала: «Нет, это было как раз наоборот; и в старые времена — разве не ценою крови рабочих больше всего была создана республика? Поэтому бросьте всякие выдумки о заговорах против республики, бросьте бесплодное возмущение против нашего недоверия к вашей партии, примиритесь с тем, что впредь мы сами будем политически защищать наши интересы, а иногда, может быть, и ваши, когда между теми и другими окажется совпадение».

Нэтти находил, что момент как нельзя более благоприятен, чтобы оформить политическую федерацию всех союзов в виде настоящей рабочей партии. Он решил и сам употребить для этого все усилия и был уверен, что единомышленники его поддержат. Вместе с тем конфликт, разумеется, неизбежно обострялся; но и соотношение сил существенно изменялось.

Мэнни, слушая эти планы, невольно ловил себя на сочувствии к ним. Это тревожило его идейную совесть и вызывало смутное недоверие к себе. Ему хотелось оправдаться перед собой, и он сказал:

— Я совершенно не разделяю основ той программы, которую вы намечаете для вашей новой партии. Но я всегда полагал, что рабочие — свободные граждане — могут объединяться в союзы или партии, как им угодно; если они делают это, значит, у них есть свои основания. Я отказывался принимать требования союзов, но никогда не отвергал их права на существование. Не знаю, что принесет ваша партия в будущем; теперь же не могу отрицать ее необходимости для вас.

Может быть, она будет той угрозой, которая остановит явно идущее вырождение старых партий; за это я готов был бы сочувствовать ей.

5. Легенда о вампирах

Деловое обсуждение было окончено, и Мэнни заговорил о том, что особенно изумляло и беспокоило его в новых событиях:

— Я должен сознаться, что совершенно не могу понять этой измены со стороны таких людей, как президент и Тэо. Я хорошо знаю их обоих: они неподкупны. И однако... Думаете ли вы, что они искренни?

— Наверное, да, — отвечал Нэтти. — Вглядитесь в их аргументацию: разве она у каждого из них не основана в общем именно на том, что он всегда говорил раньше? Тэо ревностно охраняет демократию и республику; президент настаивает на социальном мире...

— Не хотите же вы сказать, что они остались верны себе?

— Нет, конечно, этого я не говорю. Схемы те же, но их отношение к жизни изменилось; оно стало противоположно прежнему. Припомните, что когда-то писал Тэо по поводу инсинуаций умеренной печати относительно вашей «диктатуры». Демократия, находил он, слишком сильна, чтобы ее могли запугать подобными призраками. Как бы ни были широки полномочия, если они даны народной волей и подчинены ее постоянному контролю, в них нет ничего диктаторского. При этих условиях могущество установленной демократией власти есть только выражение могущества самой демократии: она выбирает наилучшие средства для общественного блага, и нельзя ограничивать ее в их выборе. А в данном случае, прибавлял Тэо, уже сама по себе злоба ее врагов свидетельствует о том, что выбран правильный путь. Тогда Тэо был полон смелости

сти и призывал вперед, к новым завоеваниям теперь он полон страха и призывает к сохранению того, что есть. А наш президент в своей знаменитой книге писал: «Надо уступить рабочим то, чего они требуют законно, этим будет прекращена растущая вражда классов. Если же мы встретим неразумно-упорное сопротивление тех, которые без усилий и заслуг получили от судьбы все и не хотят ничего дать другим, тогда мы не должны отступать перед серьезной борьбой и решительными мерами; интересы социального мира важнее эгоизма привилегированных». И вот в своем нынешнем послании он предлагает, тоже в интересах социального мира, сделать уступки как раз этим привилегированным...

— Это верно, — сказал Мэнни, — у вас очень точная память. Но как же вы допускаете тут искренность, когда из одних и тех же посылок делаются противоположные выводы? Не прямое ли это доказательство лицемерия?

— Нет, это не то, — отвечал Нэтти. — Прежде у них была логика живых людей, им хотелось, чтобы жизнь шла дальше, становилась лучше, и это подсказывало им тогдашние выводы. Теперь у них логика мертвецов, им хочется спокойствия и неподвижности, остановки жизни вокруг. С ними случилось то, что на каждом шагу бывает с людьми и с целыми классами, с идеями и с учреждениями: они просто умерли и стали вампирами.

— Бог знает, что вы говорите, — удивился Мэнни, — я совсем не понимаю вас.

Нэтти засмеялся.

— Вы знаете народное предание о вампирах? — спросил он вместо ответа.

— Конечно, знаю. Нелепая сказка о мертвецах, которые выходят из могил, чтобы пить кровь живых людей.

— Взятое буквально, это, разумеется, нелепая сказка. Но у народной поэзии способы выражать истину иные, чем у точной науки. На самом деле в легенде о вампирах воплощена одна из величайших, хотя, правда, и самых мрачных истин о жизни и смерти. Мертвая жизнь существует, ею полна история, она окружает нас со всех сторон и пьет кровь живой жизни...

— Мне известно, что ваши рабочие часто называют капиталистов вампирами; но ведь это просто брань или, в крайнем случае, агитационный прием.

— Я говорю вовсе не о том. Представьте себе человека — работника в какой бы то ни было области труда и мысли. Он живет для себя, как физиологический организм; он живет для общества, как деятель. Его энергия входит в общий поток жизни и усиливает его, помогает побеждать то, что ей враждебно в мире. Он в то же время, без сомнения, чего-нибудь стоит обществу, живет за счет труда других людей, нечто отнимает у окружающей его жизни. Но пока он дает ей больше того, что берет, он увеличивает сумму жизни, он в ней плюс, положительная величина. Бывает, что до самого конца, до физической смерти он и остается таким плюсом: ослабели уже руки, но еще хорошо работает мозг, старик думает, учит, воспитывает других, передавая им свой опыт; затем устает мозг, слабеет память, но не изменяет сердце, полное нежности и участия к молодой жизни, самой своей чистотой и благородством вносящее в нее гармонию, дух единства, который делает ее сильнее. Однако так случается редко. Гораздо чаще человек, который слишком долго живет, рано или поздно переживает сам себя. Наступа-

ет момент, когда он начинает брать у жизни больше, чем дает ей, когда он своим существованием уже уменьшает ее величину. Возникает вражда между ним и ею; она отталкивает его, он впивается в нее, усиливается вернуть ее назад, к тому прошлому, в котором ощущал свою связь с нею. Он не только паразит жизни, он ее активный ненавистник; он пьет ее соки, чтобы жить, и не хочет, чтобы она жила, чтобы она продолжала свое движение. Это — не человек, потому что существо человеческое, социально-творческое, уже умерло в нем; это — труп такого существа. Вреден и обыкновенный, физиологический труп: его надо удалять или уничтожать, иначе он заражает воздух и приносит болезни. Но вампир, живой мертвец, много вреднее и опаснее, если при жизни он был сильным человеком.

— Именно таким образом вы понимаете президента и Тэо?

— Да; и тут есть нечто еще худшее: в трупах людей заключены трупы идей. Идеи умирают, как люди, но еще упорнее они впиваются в жизнь после своей смерти. Вспомните идею религиозного авторитета: когда она отжила и стала неспособна вести человечество вперед, сколько веков она еще боролась за господство, сколько взяла крови, слез и загубленных сил, пока удалось окончательно похоронить ее. Что касается демократии, то эта идея, как я думаю, еще не завершила всего, что может дать; но чтобы оставаться живой, она должна изменяться и развиваться с самим обществом; а для Тэо она застыла, замерла на том прошлом, в котором он действительно жил. Рабочей партии тогда не было; она — начало чего-то нового, чуждого ему, и во имя своей мертвой идеи он не хочет допустить ее. Лозунг же «социального мира», если и мог быть прежде сколько-нибудь полезен как протест

против бешеной войны всех против всех и беспощадного эгоизма победителей, то теперь, когда борьба классов приобрела новый смысл и несет в себе великое будущее, он безнадежно исчерпан и не заключает в себе ни капли жизни.

— Как странно представлять себе вампирами людей, которых знаешь! — задумчиво сказал Мэнни.

— И странно, и тяжело, если видел их благородными и мужественными бойцами, — прибавил Нэтти.

Мэнни сделал головой движение, как будто хотел стряхнуть с себя что-то.

— Я и сам не замечаю, как поддаюсь вашим поэтическим образам, — заметил он с улыбкой. — Но вот еще вопрос. Если я верно вас понял, то вампирами люди и другие существа могут быть не только в старости?

— Конечно, нет, — сказал Нэтти. — По народному поверью вампирами становятся и мертворожденные дети. Когда отживают целые классы общества, то мертвецы рожают мертвецов. То же бывает и в мире идей: ведь до сих пор возникают еще даже новые религиозные секты.

— Да, а вот, пожалуй, самое слабое место вашей теории. Как определить момент, когда живое существо делается вампиром?

— Это, в самом деле, очень трудно, — ответил Нэтти. — Большой частью превращение обнаруживается гораздо позже, когда принесенный вред уже очевиден, когда вампир успел много выпить крови. Уж, конечно, не в последние дни Тэо стал впервые врагом будущего. Прежде меня мучила тайна этого момента. Я был очень молод, когда впервые проникся смыслом легенды; мои выводы были тогда резки, ощущения остры. Иногда я думал: вот, я встречаю разных людей, живу с ними, верю им, даже люблю их; а всегда ли я знаю, *кто*

они в действительности? Может быть, именно в эту минуту человек, который дружески беседует со мною, невидимо для меня и для себя переходит роковую границу: что-то разрушается, что-то меняется в нем, — только что он бы живым, а теперь... И меня охватывал почти страх. Ребяческое настроение, разумеется.

— Нет, не совсем ребяческое, если верить в вашу теорию, — возразил Мэнни. — И для меня удивительно, как вы, с вашим светлым, радостным взглядом на жизнь, могли создать такую мрачную фантазию.

— Создал ее не я, а истолкование подсказала мне история, — улыбаясь, возразил Нэтти. — Притом для меня она не только мрачная. В детстве я очень любил сказки о героях, которые сражаются со страшными чудовищами...

— И вы мечтали сами быть таким героем, победителем вампиров? Что ж, ваша мечта исполнилась; и я понимаю, что теперь вы можете не бояться никаких мертвецов.

— Они — враги, а врагов чего же бояться? И кроме того, живая жизнь рано или поздно всегда победит мертвую.

6. Вампир

Борьба продолжалась, все более ожесточенная со стороны врагов Мэнни. Но при всем желании правительство не могло принять против него скольконибудь решительных шагов, благодаря тактике Нэтти, который умело воспользовался раскрытыми фактами подкупа должностных лиц. Ему удалось по старым бумагам Фели Рао восстановить историю тех пятидесяти депутатов, которые стали сразу миллионерами и сторонниками Рао; оказалось, что некоторые из них и теперь продолжали заседать в парламенте, в числе ярых противников Мэнни. После такого скандала и

парламентское большинство было надолго парализовано в своих враждебных намерениях. Правительству оставалось только вести булавочную войну против Правления Работ, устраивая ему разные мелкие затруднения и придирки.

Мэнни странным образом мало интересовался всей этой борьбой. Он выслушивал доклады Нэтти и других сотрудников, большею частью одобрял их действия и проекты, иногда, если требовалось, сам делал то, что они советовали; но почти постоянно чувствовалось, что мысль его занята чем-то другим. Он становился все более рассеян, даже неровен в отношениях к окружающим, старался до минимума сокращать деловые свидания и беседы, точно они сильно утомляли его. Казалось, что и его физическое здоровье, которое столько лет противостояло влиянию тюрьмы, теперь начало поддаваться; на лице его стали часто замечаться следы бессонных ночей, в глазах появился лихорадочный блеск. Когда ему говорили об этом, он раздражался и сухо обрывал собеседника.

Однако с Нэтти он никогда не позволял себе ни малейшей резкости, только временами начинал немного избегать его; но гораздо чаще проявлял к нему необычно ласковое внимание, почти нежность. Настоящих разговоров о предметах разногласия он с ним не вел, но иногда неожиданно задавал ему вопрос по поводу какого-нибудь из крайних выводов его миропонимания, словно хотел измерить всю глубину расхождений; а затем он немедленно переходил к другим темам. Всего охотнее он его расспрашивал о годах детства, о близких ему людях, обо всем, что прямо или косвенно соприкасалось с Нэллой.

Нэтти замечал все это и даже рассказывал своей матери, но, поглощенный борьбой и планами, не раздумывал особенно и успокаивался на самом легком

объяснении: он полагал, что это — вполне естественная нервность человека, для которого после долгих лет тюрьмы приближается момент освобождения. Нэлла, с ее более чутким сердцем, сомневалась, чтобы все было так просто, однако не высказывала своих опасений, потому что ни к чему ясному и определенному не приходила. Она думала даже сама пойти и повидаться с Мэнни, но не могла найти предлога, отчасти ее удерживало воспоминание о старом разговоре с Арри, который увидел бы теперь в ее поступке особый смысл, неприятный для нее.

Каждый вечер, после ухода своих посетителей, Мэнни подолгу оставался в огромной камере, служившей ему рабочим кабинетом. Он сидел неподвижно, прислонившись к спинке кресла, и отдавался своим размышлениям. Но ход их становился чем дальше, тем более смутным, и часто уже сам Мэнни не мог бы точно сказать, о чем он думал. Два момента, однако, выступали ярче остального в этом хаосе и как будто господствовали над ним: во-первых, мысли и образы, связанные с теорией Нэтти о вампирах, и, во-вторых, не прекращавшееся чувство необходимости скоро принять какое-то очень важное решение.

Время шло. За два дня до освобождения, поздно вечером, Мэнни, как обыкновенно, был один в своем мрачном кабинете. За день он много работал, но не ощущал никакого утомления, напротив, его самочувствие было лучше обычного. Голова была ясная, хотя до странности пустая: Мэнни казалось, что он ровно ни о чем не думает, и это было почти приятно. Слабый свет, разливавшийся от электрической лампочки, прикрытой абажуром, был недостаточен для большой комнаты, и в углах царил полумрак.

Вдруг у Мэнни явилось впечатление, что сзади на него устремлен чей-то взгляд. Он повернул голову. В

самом дальнем от него углу мрак сгустился и принял, сначала неопределенно, очертания человеческой фигуры; но уже резко выделялись горящие глаза. Фигура, скользя, стала приближаться и сделалась отчетливее. Когда она перешла в освещенное пространство, Мэнни узнал ее - без удивления, хотя с отвлеченным сознанием несообразности факта: это был инженер Маро.

Призрак с насмешливым поклоном остановился в нескольких шагах от Мэнни и сел на свободный стул напротив. Он был таков, как во время последнего объяснения, с той же циничной улыбкой; только лицо было гораздо бледнее, глаза ярче, губы краснее, чем тогда, и на шее видна была неправильная кровавая полоса разорванных тканей.

— Мой привет! — сказал он. — Мне нет надобности представляться, вы меня хорошо знаете. Вы не удивлены, потому что, в сущности, давно ожидаете меня. Да, я — Вампир; не специально ваш друг Маро, а Вампир вообще, властитель мертвой жизни. Я принял сегодня этот образ, как наиболее подходящий для нашей беседы и, пожалуй, один из лучших. Но у меня есть и сколько угодно других; а очень скоро я приобрету еще один, много лучше...

Призрак остановился и засмеялся тихим, самодвольным смехом. Затем он продолжал:

- Нам надо поговорить о серьезных вещах. О, мы столкнемся! Будем беседовать по порядку и сначала выясним положение. Оно довольно просто, но совершенно нелепо; вы по совести должны согласиться, что это так. Вот уже три года Мэнни Альдо, великий инженер, играет странную роль, чрезвычайно неподходящую для него: роль орудия в чужих руках. Такова приискорбная истина. Вы всегда признавали, что истина не зависит от того, кто высказывает ее. Если вам неприятно, что приходится выслушивать ее от меня, то тем

хуже для вас; а она от этого не перестанет быть истинной. Припомните ход событий и взгляните на него беспристрастно.

— Ваше возвращение к власти — по чьей воле оно произошло? Увы! по воле ваших старых врагов, с которыми вы прежде так мало церемонились: рабочих союзов. Да! будьте искренни; вы не можете отрицать этого. Сами вы тогда не имели возможности ничего предпринять; все явилось извне. Разоблачения Нэтти были, конечно, очень важны, но для кого он старался? Для рабочих союзов. Самый план тайного расследования, вы знаете, был дан ему не кем иным, как Арри, который за десять лет размышления в тюрьме успел догадаться о многом. И потом, Фели Рао был мастер тушить всякие дела: что вышло бы из разоблачений никому неизвестного юноши, если бы манифест рабочей федерации не придавал им настоящей силы? Союзы потребовали себе вас, как они требуют прибавки заработной платы на пять копеек. Может быть, это лестно. Они получили вас, как получили бы соответственное число копеек. Но вы, никогда не желавший уступить им, ни даже вести переговоров с ними, — вы в роли уступаемого им объекта...

Тут Мэнни, слегка раздраженный издевательством, прервал своего собеседника.

— Что же вы полагаете, я должен был отказаться? — холодно спросил он. — У меня не было *иных* прав руководить делом? Оно не было *моим* созданием?

— Я не говорю ничего подобного, — с прежней усмешкой ответил Вампир. — Разумеется, было бы глупо отказаться от власти; но вопрос права был тогда ни при чем; решался вопрос силы, и он был решен за вас другими. Однако с этим можно бы еще примириться, если бы вы только воспользовались грубой силой масс, чтобы взять свое. Но вышло вовсе не то. Были ли

вы с того момента действительным хозяином дела? Нет и нет! Около вас появилась симпатичная фигура бывшего рабочего, инженера Нэтти. Я не позволю себе говорить о нем непочтительно: он ваш сын. Но я позволю себе говорить о нем правду: для того, кто служит идее, как вы, родство не имеет голоса в серьезных делах, не так ли? Он достойный молодой человек, и у него, как у вас, тяжелая рука, это мне хорошо известно.

Мэнни улыбнулся и утвердительно кивнул головой. Он почти перестал уже сознавать фантастичность происходящего и внимательно следил за мыслью собеседника, точно в объяснении с реальным врагом. Тот продолжал:

— Это не мешает ему быть безнадежным утопистом. По крайней мере, вы сами очень недавно были такого мнения. Он утопист вредный, потому что извращает самые принципы строгой науки, заменяя их, как вы справедливо выразились однажды, какой-то «поэзией труда». Чистую, вечную истину он отрицает, он хочет бросить ее под ноги массам. И это тем опаснее, что делается в привлекательной и по-своему логичной форме, которая, конечно, не может иметь влияния на нас с вами, но соблазнит многих и многих. Таков инженер Нэтти. И что же? Он считается вашим первым помощником, а на самом деле, хотя и это было бы очень немало, он представляет нечто гораздо большее. Его фигура заслонила от вас все: вы видите его глазами, думаете его головой; он истинный руководитель и хозяин.

Вы станете отрицать это. Вы скажете, что не уступили Нэтти в вопросе о союзах, что даже ограничили его права, назначивши второго помощника. Жалкие, недостойные вас отговорки. Самая мысль о назначении другого помощника была подсказана вам тем же Нэтти. Да, он сам не захотел требовать слишком мно-

гого сразу; он умеет ждать: «все придет в свое время». А главное, он умеет ценить практический результат выше пустой формы и хорошо рассчитал выгоды великодушного отступления: припомните, какие инструкции об уступках рабочим вы дали потом своему второму помощнику; сам Нэтти, пожалуй, затруднился бы превзойти их. И теперь, когда ваши директора ведут переговоры с рабочими, то о ком они думают, с кем считаются? Как вы полагаете, с вами или с Нэтти? Наконец, что может быть характернее нынешней кампании! Совершается нападение на вас и на ваше дело; а кто организует защиту? Кто руководит контратакой? Вы едва даете себе труд утверждать предложения Нэтти. Наивный Тэо! Он представил все дело как раз наыворот. Правда, не его ума дело судить о таких людях, как вы и Нэтти. Но и не одному Тэо трудно было бы догадаться, что великий Мэнни, не довольствуясь тюрьмой, находится еще в плену у социалистов.

Мэнни пожал плечами.

— На все это достаточно простого ответа. Верно или неверно то, что вы говорите, для меня безразлично, не входит же мне в разбор ваших насквозь мелких соображений. *Дело* не пострадало, оно идет хорошо, защита его надежна. Для меня интересно только это.

— Но в таком случае зачем же называть его *своим* делом? Надо тогда открыто признать то, что есть, и сказать: «это дело перестало быть моим». И притом, пострадало оно или нет, это вопрос еще нерешенный: надо подождать результатов создавшегося положения. Пока что вы уже обязаны Нэтти конфликтом с демократами. Посмотрим, что будет, когда Нэтти со своими союзами пойдет дальше. Но главное то, что исчезает всякая гарантия для будущего. Эта гарантия была в вас, в вашей силе и верности себе. А вы малопомалу перестаете быть самим собою. Вот где опас-

ность, и вот на что я оказывал своими «мелкими соображениями». Еще хуже то, что вы ее не замечаете, не хотите замечать ее. Да, вы умышленно закрываете глаза, иначе вас самого поразило бы, насколько вы не тот, что прежде. Когда-то величайшие триумфы, восторженное прославление ваших побед миллионами людей оставляли вас спокойным и холодным, как вечные снега высоких гор. Теперь же самое осторожное, сдержанное одобрение со стороны Нэтти заставляет ваше сердце биться, как у школьника, получившего похвалу от учителей. Хуже того: когда совет рабочих союзов, отвечая демократам, недавно заявил, что если буржуазия умеет только преследовать своих великих людей и клеветать на них, то пролетариат сумеет защищать их, как и дело человечества, которому они служат, тогда — припомните... Да, стены тюрьмы могут гордиться, они видели слезы на глазах великого Мэнни!

Инженер Мэнни гневно вскочил с места, но через секунду овладел собою и снова сел с презрительным замечанием:

— Лучше не говорите о том, чего вы никогда не поймете... Вампир.

— Да? — засмеялся тот с циничным благодушием. — Вы правы: есть вещи, которые понять нелегко. Например, когда Мэнни с сочувствием выслушивает революционные планы Нэтти, теоретически отвергая их и признавая вредными утопиями. Или когда он проводит целые часы в созерцании женского портрета, он, который некогда гордым усилием победил и отбросил любовь, как помеху на пути к великим целям... Нет, бесполезно уклоняться от фактов; они ясны: вы изменяете себе, вы опутаны сетями, из которых не решаетесь вырваться.

Вампир на минуту остановился, усмешка исчезла с

его лица, он устремил на Мэнни пристальный взгляд своих горящих глаз и, совершенно меняя тон, заговорил серьезно, почти торжественно:

— Вы знаете, что надо сделать. Надо вновь стать самим собою. Это необходимо, этого требует ваше достоинство, ваша честь. И это трудно, быть может, труднее всего, что вы сделали в своей жизни. Нужен героизм, чтобы победить сразу все, что толкает вас на измену себе: любовь, дружбу, отцовское чувство, симпатию, благодарность... Никто в мире не смог бы этого, но вы сможете: вам не первый раз совершать невозможное. Момент настанет скоро: сама жизнь потребует от вас решительного ответа. Идиллия с союзниками протянется недолго. Сейчас они не поднимают еще знамени борьбы за официальное их признание, потому что слишком заняты другим: своей новой политической организацией, ее устройством и защитой. Но она сделает их еще сильнее, а для них сила есть право. После освобождения из тюрьмы первая же ваша поездка на места работ поведет к тому, что старый вопрос поднимется вновь. А тогда? Подчинит ли инженер Мэнни свое убеждение внешней силе и личным чувствам? А если нет, то, ведь, это разрыв с Нэтти и Нэллой, тяжелая борьба, великая жертва. Да, но и великая победа! Я не хочу оскорблять инженера Мэнни сомнением в том, что он выберет.

— Вы так уверены, что я последую *вашему* совету? — иронически подчеркивая личность собеседника, возразил Мэнни.

— Это очень слабый аргумент против правды, — ответил Вампир. — К таким аргументам прибегают, когда больше нечего сказать. Я ждал его от вас, чтобы спросить, где ваша вера в чистую истину, если для того, чтобы скомпрометировать ее в ваших глазах, достаточно несимпатичной оболочки? Я говорю проти-

воположное тому, что когда-то говорил вам Маро. Он предлагал: «измените себе». Я же напоминаю: «будьте верны себе!».

— Как Тэо и президент, — насмешливо дополнил Мэнни.

— Нет, не так, как они. Будьте верны себе не как слабые, а как сильные, не как те, которые путаются, стараясь вернуть прошлое, а как те, которые до конца идут по одному пути. Вы подчинились теории Нэтти, вы обмануты ею. Я — не смерть и не возвращение назад. Я — жизнь, которая хочет жить, оставаясь самой собою. Только такая жизнь истинна. Та, которая меняется, тем самым доказывает, что она — ложь, ибо истина всегда одна. Если ты вчера был одним, а сегодня уже другой, значит, ты умер между вчерашним и сегодняшним днем, и народился некто новый, жизнь которого будет также эфемерна. Все умрет: ты, человечество, мир. Все потонет в вечности. Останется только истина, потому что она вечна, и вечна она потому, что неизменна. Докажи, что ты причастен к истине и вечности - будь неизменным, как они!

Мэнни поднялся, глаза его сверкали.

— Ты лжешь, Вампир, и не меня ты обманешь наивными софизмами. Ты, как всегда, призываешь к измене. Я знаю путь, по которому шел. Каждый шаг его был ударом прошлому. И ты мечтаешь сделать меня врагом будущего! Я знаю свой путь. Моя борьба со стихиями... один Нэтти способен продолжать ее достойно меня. Моя борьба с тобой, Фели Рао и вам подобными... Нэтти с его друзьями лучшие, самые верные союзники в ней. Я не знаю, правы ли они в своей вере в социализм, и думаю, что нет; но я убежден, что, если они неправы, они сумеют скорее, чем кто-либо, понять это вовремя. Истина победит; но она победит не против того, что полно силы и чистоты и благород-

ства, а вместе с ним!

Вампир тоже выпрямился во весь рост; его красные губы искривились выражением злобной уверенности в торжестве.

— А, ты не хочешь слушать дружеского совета, — произнес он с шипением в голосе. — Хорошо же, ты услышишь голос повелителя! — и он протянул к Мэнни руку с судорожно сведенными в виде когтей пальцами, точно хотел схватить добычу. — Знай же, твоя судьба решена, ты не можешь уйти от меня! Пятнадцать лет ты живешь в моем царстве, пятнадцать лет я пью понемногу твою кровь. Еще осталось несколько капель живой крови, и оттого ты бунтуешь... Но это пройдет, пройдет! Я — необходимость, и потому я — истина. Ты мой, ты мой, ты мой!

Глаза Мэнни потемнели, он гордо откинул голову.

— Ты — ложь, мертвая ложь! — сказал он с холодным презрением. — Во всяком случае, благодарю тебя, что ты сбросил маску и прекратил мои колебания. Твое торжество заблуждение. Не ты возьмешь последние капли моей живой крови! Тон победителя тебе не к лицу, со мной же меньше всего. Я убил тебя, когда ты стал на моей дороге, и теперь так же убью!

Он повернулся и пошел к двери, соединявшей рабочий кабинет с его камерой-спальней. На пороге он взглянул назад, закрывая дверь. Вампира не было.

ЧАСТЬ IV

1. Сердце Нэллы

На другой день утром Мэнни экстренно пригласил к себе одного старого товарища, знаменитого химика. Они редко виделись, но их отношения были таковы, что химик никогда и ни в чем не мог бы отказать Мэнни. Они вместе совершили когда-то ряд экспедиций через пустыни, вместе пережили так много опасностей; Мэнни, далеко превосходивший своего друга физической силой и выносливостью, несколько раз спасал его от верной смерти. Когда химик явился, Мэнни заперся с ним наедине, и они беседовали больше часу. Уходя, химик казался очень взволнованным; на его глазах были слезы. Мэнни провожал его по коридору с ласковой улыбкой и, прощаясь, крепко сжал его руки со словами благодарности. Через два часа из лаборатории старого химика принесли для Мэнни небольшой запечатанный сверток.

Большую часть этого дня Мэнни занимался разборкой и приведением в порядок своих бумаг. Вечером пришел Нэтти. Он был удивлен значительной переменной в манерах отца и как будто даже в его внешности. Нервное состояние последних месяцев, рассеянность, лихорадочный блеск в глазах, резкость движений ис-

чезли без следа. Со спокойным вниманием и величайшей ясностью мысли он обсуждал дела, причем наметил несколько важных технических и административных улучшений. Когда эти вопросы были покончены, он сказал:

— Да, кстати, я хочу попросить вас о большой услуге. Я думаю сейчас взять отпуск на... — он немного остановился и закончил: — на некоторое время. Полагаю, что это законное желание. Не согласитесь ли вы пока заменить меня и завтра же принять все дела? Я все приготовил для этого.

— Конечно, я с удовольствием сделаю это, — отвечал Нэтти. — Мне давно казалось, что отдых вам необходим. Ваше здоровье за последнее время внушало мне опасения.

— Ну, теперь-то все прошло, — с улыбкой возразил Мэнни. — Вы видите, сегодня я совершенно здоров, не правда ли?

Затем он начал с Нэтти разговор о его научно-революционных идеях и планах, многое заставлял подробно себе объяснять, не делая ни возражений, ни иронических замечаний, ни даже обычных прежде оговорок о своем несогласии. Напротив, моментами он как будто совсем входил в мысли Нэтти, делал замечания и дополнения в духе более полного их развития. Нэтти был совершенно очарован, и в живой беседе оба не заметили, как наступила поздняя ночь. Прощаясь, Мэнни сказал:

— И все-таки только с одной из ваших теорий я согласен безусловно. Зато ее, должно быть, я усвоил хорошо.

— Какая же это? — быстро спросил Нэтти.

— Теория вампиров, — ответил Мэнни.

Молодой инженер возвращался домой в глубокой задумчивости. Там он застал Нэллу, которая не спала,

дожидаясь его. Он подробно рассказал ей о всей беседе и о своих впечатлениях. По поводу последнего замечания Мэнни Нэлла заставила сына точно воспроизвести весь тот старый разговор, на который она указывала. Затем она взяла с него обещание прийти к ней на следующий день немедленно после свидания с Мэнни.

Всю эту ночь Нэлла думала...

С утра Нэтти отправился принимать дела. Мэнни заявил ему:

— Официально я слагаю обязанности на месяц: но имейте в виду, что мое отсутствие, может быть, продолжится больше. Я хочу серьезно отдохнуть.

Работа заняла несколько часов. Когда Нэтти ушел, Мэнни на минуту задержал его у себя и сказал:

— Завтра мы с вами, вероятно, не увидимся. По закону преступников, отбывших свой срок, освобождают в час солнечного восхода; а я решил немедленно же отправиться в путешествие. Итак, всего лучшего.

Он обнял и поцеловал Нэтти: это было в первый раз. Затем он прибавил:

— Передайте мой привет Нэлле.

Нэлла с нетерпением ожидала сына. Когда он точно передал ей все, она сильно побледнела. Резюмируя затем свои впечатления, Нэтти сказал:

— В нем все-таки есть что-то странное, чего я не могу определить. Я боюсь, что он не настолько здоров, как это по внешности кажется. Как ты думаешь, не будет ли навязчивостью, если я еще раз зайду к нему вечером, хотя он не приглашал меня?

— Не надо, Нэтти, — ответила она. — Я сама пойду к нему.

— Это, конечно, гораздо лучше. — Я очень рад такому решению.

Наступал вечер, когда Нэлла вошла в здание тюрьмы. По записке Нэтти ее пропустили без замедления.

Мэнни писал у себя в камере. Когда Нэлла постучалась, он предположил, что это какой-нибудь курьер, и, не поднимая головы, сказал: «войдите», а сам доканчивал начатую фразу.

Нэлла тихо затворила за собой дверь и остановилась. Неподвижная и бледная, в слабом освещении, она казалась призрачным существом. Он в этот момент писал письмо ей, и она, как живая, представлялась его воображению. Когда под ее пристальным взглядом он обернулся, то первая мысль была: «Это — галлюцинация». Он встал и медленно, осторожно приблизился к ней, боясь, что она исчезнет. Еще с этим страхом он обнял ее, и только тогда, когда она ответила на его поцелуй, понял, что перед ним не призрак. Он не в силах был произнести ни одного слова. Почти машинально он подвел ее к своему креслу и посадил. Взгляд его упал на начатое письмо; быстрым движением он отбросил его в сторону далеко от Нэллы.

— Бесполезно, Мэнни! — сказала она. — Я знаю, что вы хотите сделать.

Он молчал. Ему не пришло в голову ни отрицать, ни удивляться тому, что она угадала его тайну.

— Этого не надо, мой Мэнни! — произнесла она.

Всю силу своей любви и нежной ласки она вложила в эту мольбу.

— Необходимо, Нэлла! - тихо ответил он.

Она знала, что значат решения этого человека. Чувство бессилия, безнадежности стало овладевать ею. Она хотела сказать ему многое, очень многое, а теперь мысли разметались, и она не умела, не могла.

Наступило молчание. Он опустил перед нею на колени и прижал ее руки к своему лицу. Она не отнимала их и не замечала, как ее слезы падали на его волосы.

— Ничто не может изменить этого, Мэнни?

— Ничто в мире, Нэлла.

Тогда у нее нашлись слово упрека:

— А моя любовь имеет для вас какую-нибудь цену?

— Бесконечную, Нэлла! И я хочу быть достоин ее.

Ее сердце подсказало ей лучшее, что было возможно:

— Расскажите мне все! Все, чтобы я поняла...

Он рассказал все. Он говорил спокойно, ясно, с той силой глубокого, непреложного убеждения, которая дается одному из миллионов. И для Нэллы становилось очевидным, что всякая борьба не нужна и бесплодна и что она была бы только лишним мучением для великой души. Когда он кончил, Нэлла сказала:

— Я была бы счастлива уйти с вами, Мэнни. Но вы знаете, мне еще нельзя оставить его, нашего Нэтти.

— Ах, Нэлла, если бы вы знали, сколько счастья вы дали мне даже этими одними словами, вы ни о чем бы не жалели и не грустили. Вы не слышите, как бьется мое сердце? Я удивляюсь, что оно не разорвалось. Да, у меня есть еще несколько капель живой крови. Они для вас, моя Нэлла!

Она отдалась ему, как в ту далекую минувшую ночь.

2. Образы смерти

Прошло несколько часов. Мэнни заснул в объятиях Нэллы.

Она осторожно освободилась из его рук и села возле него на постели, чтобы смотреть на его лицо. Может быть, он почувствовал сквозь сон ее удаление. Тяжелые грезы овладели им.

Холод внутри; темнота вокруг; сплошной камень под ногами, с боков, над головою. Утомительно идти по узкому, душному коридору. Но идти надо. Как долго!

А! вот слабый, точно фосфорический свет мелькает впереди... Ближе, яснее... Стены и свод начинают тускло выделяться из мрака. Все теснее путь.

Конечно! дальше некуда. Та же глухая стена замыкает коридор. Белая фигура неподвижно прислонилась к ней. Непонятная тревога охватывает душу. Надо, необходимо видеть...

Полотно скользит и падает. Лицо трупа... странно знакомые черты. Неподвижны мутные глаза, но с серых губ слетает беззвучный шепот: «это - ты!» Мэнни узнает себя.

Зеленоватые пятна выступают на мертвом лице, увеличиваются, сливаются. Западают и грязной жидкостью вытекают глаза, клочьями сходит гниющее мясо с костей... Вот его уже нет больше: одна костяная маска с ее стереотипной улыбкой.

Фосфорические огоньки носятся вокруг, вспыхивают ярче, погасают... В колеблющемся свете изменяется пустая улыбка; оживляются пыльно желтые черты. Мэнни кажется, что он ясно читает их странную, немую речь.

«Это — ты, и это — все», говорит насмешливая маска. «И даже это - еще слишком много. Человек думает: тоскливо и скучно разрушаться в черной яме среди блуждающих огоньков. Так нет же! на деле гораздо хуже. Даже не то печально, что скоро исчезнут и эти пузырьки фальшивого света, порожденные разложением остатков твоего собственного тела. Пускай был бы мрак. Но нет и его!»

«Да, если бы были мрак, скука, тоска... Мрак, который ты когда-то видел; скука, которую чувствовал; тоска, которую проклинал. Ты любил яркое солнце и бесчисленные формы, которые купаются в его лучах; глухая, беспросветная тьма, конечно, не то, — но она все же нечто вроде воспоминания о них. И это здесь

отнято у тебя. Смена впечатлений напряженной жизни была твоей радостью; но и самая безнадежная скука заключает в себе смутный их отблеск, неопределенную веру в них. Здесь нет и следа этого. Борьба и победа были для тебя смыслом существования; когда их не хватало, ядовитый голос тоски говорил тебе о них. Теперь и он умолкает навеки... В последних судорогах твоей мысли пойми этот итог, пойми — и прими его!»

«Я — это ты. Даже моя внешность и эта моя речь — еще проблески твоей жизни, той, которая уходит. Значит, это все-таки что-нибудь, и оно бесконечно лучше того, что остается в дальнейшем, той непостижимой вещи, которая называется — *ничто*».

Мучительным усилием Мэнни преодолевает боль, которая сжимает его сердце.

— Я не верю тебе, — говорит он. — Я узнал тебя, бесполезно переодеваться. Ты весь — ложь, и ничего, кроме лжи, исходить от тебя не может.

Но улыбка черепа становится грустной. «Попробуй опровергнуть! — читает в ней Мэнни, — увы! — это невозможно»...

Гаснут огоньки, пропадают контуры. Тьма сгущается вокруг, холод — в душе...

Но откуда это? Мягкий ветерок, точно чье-то нежное дыхание, коснулся лица. Как странно! в нем какой-то неясный луч надежды, согревающий сердце. Вот и мрак начинает редеть. Смутный, рассеянный свет зарождается в воздухе. Глаза с жадностью впивают его... Где же стены?

Бесконечная, каменная равнина. Темно-свинцовый свод неба над нею. Никаких признаков жизни. Одна серая даль впереди.

Мэнни оборачивается и вздрагивает. Перед ним неподвижная черная фигура, закутанная с головы до ног; не видно даже лица. Сумеречный свет словно со-

бирается вокруг нее, и в этом ореоле строгие линии силуэта выделяются резко, как на гравюре. Мэнни чувствует в них что-то знакомое... близкое... дорогое... Он старается вспомнить и не может. Он осторожно протягивает руки и снова вздрагивает от прикосновения к холодной, очень холодной ткани. С тревожным ожиданием он откидывает ее... Нэллу.

Она — и не она... Что так странно в ней изменилось? Да - ее глаза стали не те. Они такие же огромные; но теперь не зеленовато-синие, как волны южных морей, а черные, совсем черные и бездонно-глубокие. Торжественно и мягко выражение матово-бледного лица; дыхание не колеблет грудь под неподвижными складками одежды. Все в ней проникнуто спокойствием, недоступным человеку.

Она заговорила тихо, так тихо, что Мэнни кажется, будто он слышит мысли, а не звуки:

«Это я, Мэнни, та, которая всегда была твоей судьбою. Ты знаешь — в моей ласке все кончится для тебя. Ты — человек, и тебе больно. Не надо этой боли».

«Что ты теряешь? Сияние солнца, радость борьбы, любовь Нэллы?.. Ошибаешься, друг мой: не ты их, а они тебя потеряют. Разве может потерять что-нибудь тот, кого нет? А тебя не будет, они же останутся. Еще миллионы лет будет сиять солнце; вечно будет продолжаться борьба жизни; бесконечное число раз повторится в женщинах будущего, становясь все более прекрасной и гармоничной, душа Нэллы».

«Да, тебя не будет. Исчезнет имя, и тело, и цепь воспоминаний. Но посмотри. Если бы тебе предложили вечность, и в ней свет, радость, любовь, лишь с тем, чтобы они существовали для тебя одного и ни для кого больше, чтобы они были яркой и осязаемой, как реальность, но — только твоею мечтой? С каким презрением отверг бы ты это лживое счастье, эту ни-

чтожную вечность! Ты сказал бы: лучше самая короткая и самая тяжелая, но действительная жизнь... И вот теперь вся действительная жизнь остается и идет дальше. Умирает только тот ее отблеск и та частица, которые были — тобою».

«В беспредельности живого могучего бытия сохранится то, что ты любил сильнее себя, — твое дело. Оно тебя потеряет, и в этом утрата. Но мысль идет дальше того, что исчезает, и ты сумел понять главное: творчество, которое в тебе нашло одно из своих воплощений, не имеет конца».

Она замолчала, и неподвижна была ее стройная фигура среди неподвижности пустыни, неподвижны спокойные черты матово-бледного лица.

Мэнни сделал шаг и в сильном объятии прижал свои губы к ее холодным губам. Его взгляд потонул в ее бездонно-темных глазах: радостная боль пронизала его сердце, и все смешалось.

.....

— Это ты, Нэлла?.. другая или прежняя? — произнес Мэнни, еще не освободившийся от влияния бреда. — Ах да! ты, может быть, не знаешь... Я сейчас видел смерть, Нэлла... их было две. Одна отвратительная и пустая; о ней не стоит даже говорить... Другая — прекрасная, милая; это была ты, Нэлла... Я поцеловал ее, вот так...

3. Завещание

Новые ласки среди ночи... и вновь действительность, расплываясь, уходит от сознания... и новые грезы овладевают душою Мэнни...

.....

Кроваво-красный шар высоко на темном небе. Это не солнце: на него не больно смотреть, и его блеск не в силах заглушить ясные, спокойно мерцающие звезды.

Новая луна? Нет, это слишком ярко для нее. Что же это? Такой вид имело бы гаснущее солнце... Да, так оно и есть: солнце, которое умирает. Невозможно! миллионы лет должны были пройти для этого. Впрочем, что же? Для кого время не существует, для того миллионы лет становятся мгновением.

Но тогда — конец всему: человечеству, жизни, борьбе! Всему, что рождено солнцем, что воплотило в себе его лучистую силу. Конец сиянию мысли, усилиям воли, конец радости и любви! Вот оно, то неизбежное неотвратимое, после которого уже ничего, ничего не останется...

Холод в душе и холод снаружи. Мэнни осматривается вокруг. Ровная и гладкая дорога пересекает пустынную равнину, которая прежде была, может быть, полем или лугом. Вдали видны странные, красивые здания. Неподвижен воздух и неподвижна природа. Ни человека, ни зверя, ни растения. Тишина глубокая, бездонная, в которой тонут бессильные лучи догорающего светила.

Неужели все завершилось и царство вечного молчания уже вступило в свои права? Впрочем, не все ли равно? Если где-нибудь и тлеют остатки жизни, в тех зданиях или под землей, то агония — не жизнь...

Здесь — последний суд и окончательный приговор, на который нет апелляции. Подводится итог всему, что было целью и что было средством, всему, что имело смысл и значение. Скелет был прав: этот итог — ничто. Миллионы лет стремления, познания... Мириады жизней, жалких и прекрасных, ничтожных и могучих... Но какая разница, дольше или короче, лучше или хуже, — когда их уже нет, и нет им наследника, кроме немного, вечного эфира, которому все равно.

Они были, они взяли у жизни свое. — Иллюзия! «Они были», *теперь* это только и значит одно — что

их нет. А то, что они брали у жизни, исчезло, как и они сами.

Но ведь жизнь не прекращается во вселенной: угасая в одних мирах, она расцветает в других и зарождается еще в иных. Обман, прикрывающий суровую истину утешительными словами! Что за дело этой жизни до той, которая ничего о ней не знает и ничего у нее не возьмет? И если каждая из них одинаково исчерпывается в бесплодном цикле, что прибавляют они порознь или вместе в той же неизбежной сумме? Бесвязные грезы вселенной, рассеянные в пространстве и времени, - к чему они? Зачем сплетало солнце фальшивую ткань жизни из своих призрачных лучей? Какое издевательство!

Что это? Ярко осветилось одно из зданий, исполинское, стройное, похожее на храмы феодальных времен. Надо посмотреть. Путь недалекий и легкий по ровной дороге. Вот открывается дверь.

Огромная высокая зала, залитая светом, тысячи людей. Но люди ли это? Как свободны их позы, как спокойны и ясны их лица, какой силой дышат их тела. И это — обреченные?..

Что собрало их сюда? Какая мысль, какое чувство объединили их в этом общем молчании?.. Входит новое лицо и поднимается на возвышение в глубине зала. Очевидно, он тот, кого ждали: взоры всех направляются на него. Это — Нэтти? Да, Нэтти, но иной, подобный божеству, в ореоле сверхчеловеческой красоты. Среди торжественно-глубокой тишины он говорит:

«Братья, от имени тех, кто взял на себя разрешение последней задачи, я возвещаю, что мы выполнили свое дело.

Вы знаете, что судьба нашего мира вполне выяснилась уже много тысяч лет тому назад. Ослабевшее

солнце давно не в силах питать своими лучами развитие нашей жизни, наш великий общий труд. Мы поддерживали солнечное пламя, пока было возможно. Мы взорвали и обрушили на солнце поочередно все наши планеты, кроме одной, на которой теперь находимся. Энергия этих столкновений дала нам лишнюю сотню тысяч лет. Большую часть их мы потратили на исследование способов переселения в другие солнечные миры. Тут нас постигла полная неудача.

Мы не могли победить окончательно пространства и времени. Гигантские междузвездные расстояния требуют от нас десятков тысячелетий пути среди враждебного эфира. Ни одно живое существо сохранить при этом нельзя. Задачу пришлось поставить иначе.

Мы имеем несомненные доказательства того, что и в других звездных системах живут разумные существа. На этом мы построили наш новый план.

То, что мы хотим сохранить при неминуемой гибели нашего мира, вовсе не есть наша собственная жизнь, не жизнь нашего человечества. Смерть последнего поколения сама по себе значила бы не больше, чем смерть предыдущих, — лишь бы после нас осталось и продолжилось наше *дело*. То, что в тысячах веков достигли наши объединенные усилия, наши способности властвовать над стихиями, наше понимание природы, созданная нами красота жизни, — вот что дорого для нас; и *это* мы должны сохранить для вселенной во что бы то ни стало, *это* передать другим разумным существам, как наше наследство. Тогда наша жизнь воплотится снова в их работе и наше творчество преобразует иные миры.

Как выполнить эту передачу? Вопрос был труден, но уже разрешим для нас. Холод и пустота эфирных пространств, убийственные для жизни, бессильны

против мертвой материи. Ей можно доверить образы и символы, выражающие смысл и содержание нашей истории, нашего труда, всей борьбы и побед нашего мира. Брошенная с достаточной силою, она пассивно и послушно перенесет на неизмеримые расстояния нашу дорогую идею, нашу последнюю волю.

Что могло быть естественнее этой мысли? Разве сам эфир не создал нашей первой связи с теми мирами, принося к нам лучи их солнц, как смутную весть о далекой жизни?

Я возвещаю вам успех наших усилий. Из самого прочного вещества, какое могла дать нам природа, мы приготовили миллионы гигантских снарядов: каждый есть верная копия нашего завещания. Они составлены из тонких свернутых пластинок, покрытых художественными изображениями и простыми знаками, которые без труда будут разгаданы всяким разумным существом. Снаряды эти уложены на точно определенных местах нашей планеты, и для каждого вычислены направление и скорость, которые он получит от начального толчка. Вычисления строги и проверены сотни раз: цель будет неизбежно достигнута.

А начальный толчок, братья, произойдет через несколько минут. Внутри нашей планеты мы собрали огромную массу той неустойчивой материи, атомы которой, взрываясь, разрушаются в одно мгновение и порождают самую могучую из всех стихийных сил. Через несколько минут наша планета перестанет существовать и ее осколки разлетятся в бесконечное пространство, унося наши мертвые тела и наше живое дело.

Встретим же радостно, братья, это мгновенье, в котором величие смерти сольется с величайшим актом творчества, это мгновенье, которое завершит нашу жизнь, чтобы передать ее душу нашим неведомым

братьям!»

И как эхо пронеслись по зале, воплощая одну мысль и одно чувство людей, слова:

«неведомым братьям!»

А когда вслед за тем видение поглотил налетевший ураган света и огня, то последнее, что в нем потонуло, была у Мэнни та же мысль:

«неведомым братьям!»

4. К восходу солнца

Когда Мэнни очнулся, оставалось меньше часа до солнечного восхода.

— Ты ни минуты не спала, Нэлла? Теперь мне надо одеться и написать еще несколько слов президенту и правительству...

Заря загоралась в небе, и лучи ее проникали через решетку окна. Мэнни, одетый, снова лежал на постели, и Нэлла сидела возле него. Она внимательно, жадно смотрела на него: ей так мало пришлось его видеть.

— Спой мне песню, моя Нэлла.

— Это будет песня только для тебя и о тебе, Мэнни.

Стены тюрьмы слышали на своем веку много песен тоски, надежды; но едва ли когда-нибудь там раздавался такой чистый, прекрасный голос, полный такого чувства...

В расцвете молодости страстной
Любовь ты отдал за борьбу,
Чтоб волей непреклонно властной
Идее покорить судьбу.
Творец и вождь, великий в жизни,
В ее трудах, ее боях,

Ты новый мир открыл отчизне
На неизведанных путях.
Побед и славы в искупленье
Свободу отдал ты свою.
Ты долгих лет узнал томленье,
Тоски холодную змею.
Ты ждал, спокойный и суровый.
Твой враг пред скованным дрожал.
И ты дождался: жизни новой
Могучий голос прозвучал.
Ты в ней любовь и ласку встретил,
Союзом с нею победил.
И сердцем гордым ей ответил, —
Ее безмерно полюбил.
Но мыслью строгою своею,
Но волей, твердой как алмаз,
Не в силах был ты слиться с нею;
И — наступил решенья час.
Навек уходишь ты из строя,
Чтоб ей открыть свободный путь:
Булат, что закален для боя,
Разбить лишь можно, не согнуть.
О прежних жертвах не жалея,
Ты большую приносишь вновь.
Сильна, как жизнь, твоя идея,
Сильней, чем смерть — твоя любовь!

Последние слова оборвались в рыдании, слезы градом хлынули из глаз Нэллы, и она не могла видеть одного быстрого движения Мэнни...

К восходу солнца он заснул, тихо, радостно, среди поцелуев любимой женщины, со словами:

— Нэлла... Нэтти... победа!..

Эпилог

Смерть Мэнни развязала много узлов. Она нанесла жестокий удар его врагам, опровергнув их крики о его монархических планах и сразу поставив этих людей в положение обличенных фактами клеветников. В то же время отпал и вопрос о «диктатуре работ», так как Нэтти вовсе не желал ее для себя. Из старых сотрудников Мэнни была образована центральная коллегия работ: Нэтти, ее председатель, сохранил за собой всецело руководство техникой. Его влияние было очень велико; благодаря ему в течение почти десяти лет отношения центральной коллегии с рабочими союзами оставались мирными. Но сам Нэтти прекрасно понимал, что такое положение лишь временное, и употребил эти годы на подробную дальнейшую разработку плана Великих Работ, чтобы они могли успешно продолжаться и тогда, когда ему самому придется уйти.

Мало-помалу состав правления менялся: одни умирали, другие уходили на отдых, третьи изменяли свою позицию. Наконец Нэтти остался в меньшинстве. Наступил промышленный кризис, и по внушению правительственной партии правление решило им воспользоваться, чтобы ухудшить условия труда. Нэтти тотчас же вышел в отставку и принял энергичное уча-

стие в организации борьбы против этого покушения. Гигантская забастовка, приостановившая Великие Работы, энергичная атака рабочей партии против правительства и несколько восстаний в разных местах вызвали жестокое обострение кризиса; правящие круги ввиду такой массы трудностей решили пока уступить. Но с этого момента исчезли последние неясности в классовых тенденциях, и разрыв пролетариата со всем старым общественным строем был закреплен.

Около того же времени умерла Нэлл. Она словно нарочно для этого дождалась, пока около Нэтти появилась другая женщина, прекрасная и молодая, с ясными, лучистыми глазами. Рабочие любили Нэллу и называли ее просто «матерью»; сотни тысяч провожали ее гроб и засыпали ее могилу цветами. Вечером в день похорон умер и Арри.

Покончив с инженерством, Нэтти всю свою научную работу направил на выполнение старого плана: преобразовать науку так, чтобы сделать ее доступной рабочему классу. Вокруг Нэтти создалась целая культурно-революционная школа: ряд его учеников, частью выдвинувшихся из рабочей среды, частью пришедших из другого лагеря молодых ученых, работали вместе с ним над созданием знаменитой «Рабочей Энциклопедии», которая послужила затем опорой и знаменем идейного единства пролетариата.

На этом пути Нэтти пришел к своему величайшему открытию, — положил начало всеобщей организационной науке.

Он искал упрощения и объединения научных методов, а для этого изучал и сопоставлял самые различные приемы, применяемые человечеством в его познании и в труде; оказалось, что те и другие находятся в самом тесном родстве, что методы теоретические возникли всецело из практических, и что все их

можно свести к немногим простым схемам. Когда же Нэтти сравнил эти схемы с различными жизненными сочетаниями в природе, с теми способами, посредством которых она стихийно образует устойчивые и развивающиеся системы, то его опять поразило сходство и совпадений. В конце концов у него получился такой вывод: как ни различны элементы вселенной, — электроны, атомы, вещи, люди, идеи, планеты, звезды, — и как ни различны по внешности их комбинации, но возможно установить небольшое число общих методов, по которым эти какие угодно элементы соединяются между собою, как в стихийном процессе природы, так и в человеческой деятельности. Нэтти удалось отчетливо определить три основные из этих «универсальных организационных методов»; его ученики пошли дальше, развили и точнее исследовали полученные выводы. Так возникла всеобщая наука, быстро охватившая весь организационный опыт человечества. Прежняя философия была не чем иным, как смутным предчувствием этой науки; а законы природы, общественной жизни и мышления, найденные разными специальными науками, оказались частичными выражениями ее принципов в отдельных областях.

С того времени решение самых сложных организационных задач стало делом не индивидуального таланта или гения, а научного анализа, вроде математического вычисления в задачах практической механики. Благодаря этому, когда настала эпоха коренного реформирования всего общественного строя, величайшие трудности новой организации сравнительно легко и вполне планомерно удалось преодолеть: как еще раньше естествознание стало орудием научной техники, так теперь универсальная наука явилась орудием научного построения социальной жизни в ее

целом. А еще раньше та же наука нашла широкое применение в развитии организаций рабочего класса и их подготовке к последней, решающей борьбе.

Сам Нэтти, хотя и дожил до старости, мог видеть только первые битвы этой борьбы, которая продолжалась полвека. Его дети не были выдающимися людьми, но и не унизили памяти великих предков: они так же честно и мужественно сражались за дело человечества.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стран.</i>
Предисловие переводчика	3
Пролог	
1. Мэнни	15
2. Нэлла	24
Часть I.	
1. План Великих работ	33
2. Темные тучи	39
3. Объяснение	49
4. Суд	52
Часть II.	
1. Нэтти	56
2. Возвращение	70
3. Отец!	73
Часть III.	
1. Две логики	79
2. Арри	86
3. Глубже и глубже	89
4. Враги и союзники	99
5. Легенда о вампирах	108
6. Вампир	113
Часть IV.	
1. Сердце Нэллы	124
2. Образы смерти	128
3. Завещание	132
4. К восходу солнца	137
Эпилог	139